

Семён Грила

ЛЮДИ НАШЕГО ГОРОДКА

Рассказы и пьеса

Семён Грила

ЛЮДИ НАШЕГО ГОРОДКА

Рассказы и пьеса

Санкт-Петербург
2024

Апрелевка И СМЫСЛ

Семён Грила

Люди нашего городка. Рассказы и пьеса. —
Санкт-Петербург, 2024. — 144 с.

Федор Степанович был отставным майором секретной службы. Агностий Палыч жил размеренно и упорядоченно, совершал пешие прогулки и учил латынь. Ширинкин – человек с огромной бородой и пузом – не любил оперу. Писатель Никандров стал суперклассиком, потому что время сделало свой выбор: он жил и жил, а другие нет. Это герои рассказов Семёна Грилы, которые вместе с пьесой «Похороны Смирнова», составили этот сборник. Семён Грила – автор пьесы «Мавзолей», романа «Коридоры», фантазмагических сказок - «Антарктида» и «Крокодил».

© Семён Грила, 2024.

© Виктор Богорад, иллюстрации, 2024.

Эпизод первый

Федор Степанович был отставным майором секретной службы. Ну, он так говорил. На самом деле он был пожарным, а в более ранние периоды биографии служил в войсках инженерных.

Отличительной особенностью теперешней жизни Федора Степановича было то, что он дружил с полоумным Серафимом — философом, которого то выгоняли, то печатали и создавали ему институты, то снова выгоняли. Теперь он был в зените славы, и отсветы ее грели и дядю Федора.

Третьим другом был писатель Никандров, персонаж скорее фольклорный. Ему казалось, что он такой народный, а на самом деле он был самопридуманый и жил в этом своем грибном мире с ежами и удавами.

Эти трое собирались по субботам в бане у Федора Степановича, и с годами это стало, с одной стороны, ритуалом, а с другой — оправданием того, что их объединяет. Они любили называть это клубом.

Вот и сегодня была суббота. Первым явился Серафим с авоськой, набитой пивом. Он брал только бутылочное. Любил бутылки сдавать.

Поинтересовался температурой. Федор Степанович сказал, что не разгонял еще, рано. 70 градусов.

Серафим пожевал губами, но промолчал. Поставил пиво на пол, сел на стул, положил руки на колени. Помолчали.

— Что думаешь, существует Всемирный заговор? — спросил.

— Не знаю, — ответил Федор Степанович. — Давай Никандрова спросим, он лучше этих понимает, хотя, впрочем, и ты наверняка точку зрения имеешь, — ухмыльнулся.

Дядя Федор считал Серафима сумасшедшим, но кто-то наверху любил эти бредни, и он продолжал разглагольствовать на все лады.

— Я Ратибора позвал, — сказал Серафим.

— Какого Ратибора? — охуел дядя Федор.

— Ну, этого, который культы русичей проповедует: дохристианская Русь и все такое. Он прям энергией весь исходит. Сотворит нам в твоей бане центр силы, — заржал Серафим, роясь в бороде.

— А чего ты меня не спросил? Его же Никандров не выносит.

— Да ладно, — огрызнулся Серафим. — Вынесет, не то выносил. Зато отлично умственно поборемся, а то кажется мне — закисаем. Жмемся.

Как же они меня задрали, подумал Федор Степанович, но делать нечего: дружить с этими упырями — была его нынешняя работа и попытка быть полезным. Был у него один знакомый — там, наверху, — пользовал его. А он был не против. Чувствовал себя живым. Через это всё. Своих тараканов тоже надо чем-то занимать, а то при нынешней картине мира недолго и свихнуться на старости лет.

Серафим что-то продолжал вещать, но Федор Михайлович пошел в дровник и слышал только интонацию. Нравственного выбора. Он засмеялся. Считают себя мессиями.

Эпизод второй

Ратибор был штатным армейским сотрудником. Офицером. Или типа того. Маршал любил его и всегда

звал с собой в инспекционные поездки. Вернее, брал. Отказаться было невозможно.

Это было утомительно и противно. Сначала марши, потом смотры, потом разбор полетов с криком, бранью, топатней ногами. Но это все ерунда, потому что потом наступал настоящий мрак — ужин с приближенными и принимающей стороной. Пили много, потом еще баня, потом пение и хор. Потом совсем непотребное, потом Ратибор ничего не помнил. Судя по виду начальства и устремленные в пол глаза обслуживающего персонала, начальство тоже ничего не помнило, но силилось, а служба старалась разведать, но не могла. В общем, все не могли.

Ратибор, как правило, выступал во втором акте, когда шла вторая волна пьянки и хотелось поговорить по душам. Всем очень нравились рассказы, доказывающие, что когда-то мы были на своих нарративах, а не на английских рельсах. Что когда-то и Константинополь еще не надо было брать. В общем, всё сами, всё свое. Это бодрило. Тут начинали вспоминать Будду, но маршал это живо прекращал, и начинался третий акт посиделок.

Ратибор уверял себя утром, что он этого уже не помнит. Хотя помнил, конечно, но не хотел. Особенно когда маршал в кителе ездил верхом на тройке, запряженной принимающей стороной в виде голых интендантов обязательно в португезах и сапогах. Он радостно рычал и стегал их полотенцем. Они визжали от восторга.

Но наступало утро, и они улетали, и днем он уже валялся в своей постели, не желая возвращаться к жизни.

Эпизод третий

Жил Ратибор на Сушевском Валу, в Марьиной Роше, и ехать в ебень, хоть и культурные, ему не хотелось. Но Серафим очень просил и говорил: будет отличный самогон. В Апрелевке всегда гнали отличный самогон, уверенно говорил он.

Надо было тащиться на Киевский вокзал. Он не любил его. Место дурное. То ли дело Савеловский. Поехали бы на водохранилище. Нет, им в баню подавай. К этому Федору Степановичу. Он его не знал, но уже ненавидел. Но самогонки хотелось, а бани — совсем нет. И там еще этот замшелый Никандров с этой его псевдоересью, ужас. Но обещал — надо ехать.

Он любил Серафима. Тот был совершенно отмороженным православным, и это умиляло Ратибора. Всё — еду, подумал он и нашел чистые носки. Ну, теперь точно. И он пошел на кухню. Долго шарил в холодильнике. Включил чайник. Вода была, закипела. Он любил пить горячую воду. Вот что будет, каким я вернусь завтра из этой Апрелевки, из этой бани, из этого самогона? Я буду уже другим. Может, вступлю в секту Серафима, или в батальон этого Федора, или стану писать галиматью, как Никандров.

Вот ведь жопа: идешь и не знаешь, каким вернешься.

Это Москва, тут всегда так. Все зыбко, неоднозначно и абы как. А потом глядь — и все как было. Чудное место.

Эпизод четвертый

Писатель Никандров писателем стал не сразу. Он долго мыкался, потом маялся. Писал репортажи, заметки и кляузы. Потом строй сменился, и он вдруг в один прекрасный день проснулся классиком. Как это вышло, он не мог объяснить и теперь, когда прошло уже с тех пор много лет.

Он стал суперклассиком, ибо время сделало свой выбор: он жил и жил, а другие — нет. Его жизненная сила сделала его неистовым исполнителем всего на одной струне. И она не рвалась, но и он не сдавался.

Так и жил. И писал, писал, писал — по-разному об одном и том же. Постепенно стал примеряться и с Серафимом, но только потому, что любил проводить время у Федора Степановича.

Он был терпеливым или забывчивым. Нет, впрочем, забывчивым не был. Он одевался как все старики, считающие, что они выше одежды: что-то надето — и ладно. И это был не вопрос отрицания, старческой модели поведения. Ему казалось, что он вполне современен и одет как настоящий, а не притворный богач. Так ему говорили. Или он читал где-то. Ну, не важно. Он надел все, что считал нужным, и отправился. Его ждали.

Эпизод пятый

Была еще одна странная причина существования этой компании. Они все по отдельности считали, что спасают мир, и горячо болели за процесс. Эта компания совершала неистовый прорыв за границы смыслов, сокращала расстояния между галактиками, соединяла ежиков с грибами и наделяла смыслами потерявшиеся души жителей их страны и всех прочих стран.

Впрочем, это было не важно, ибо это следовало одно из другого. Надо было спасти своих, а дальше все случится само.

Федор Степанович подбросил в печку несколько поленьев, проверил мясо для шашлыков, посмотрел, достаточно ли углей у мангала, и вернулся к Серафиму, который дремал там, где был оставлен хозяином полчаса назад.

Федор Степанович вспомнил, как увидел Серафима первый раз молодым, еще начинающим философом в МГУ. Недоучившийся, но азартный, он имел какой-то запал, и это, наверное, кого-то привлекало. Еще менее начитанных, еще менее думающих и, конечно, вялых и неазартных, которые загорались на сумасшедшие идеи и гладкие речи Серафима. Тогда еще Федор Степанович подумал, что держаться надо подальше, но на всякий случай из виду не терять. Так он и сделал. А потом вот как все повернулось.

Эпизод шестой

Федор Степанович растолкал Серафима и отправил его на станцию встречать Ратибора. Серафим идти не хотел, но Федор Степанович напомнил ему, что тот его позвал и еще и поставил перед фактом, не обсудив ни с кем заранее. Серафим ссутулился и отправился.

Как потом выяснилось, этой же электричкой приехал и Никандров. Поэтому они явились втроем. Два старика и ладный молодец, соответствующий имени.

Они ругались: Серафим отказывался признавать, что обещал самогон, а Ратибор отказывался пить пиво, которое он с детства не любил. Мирно настроенный Никандров вызвался сходить за самогоном, он про это все знал и добывал его для них с Федором неоднократно. Это привело компанию в полное согласие, хотя сначала еще долго решали, есть ли шашлыки посередине бани или после. Решили пустить на самотек. Это соответствовало концепции встречи людей с разными взглядами, но одинаковыми желаниями.

Ратибор натаскал в кадку воды, Федор Степанович проверил баню, Никандров принес самогон, Серафим нанизал мясо на шампуры.

Эпизод седьмой

— Неплохой пар, — сказал Ратибор. Все покивали. Помолчали еще. Потом Ратибор сказал, что ездил с вояками на полигон. Опять помолчали. Ратибор сказал, что еле встал сегодня с похмелья. — С вояками всегда так, — сказал Никандров. Опять помолчали. — Подкинуть? — спросил Серафим и потянулся к черпаку. — Ну, если немного, — согласился Федор Степанович. — Кидай давай, — поторопил Никандров. — Самогонки уже охота выпить. — Не спешите, — сказал Федор Степанович. — Дайте хотя бы пару шашлыков сделать. — А мне для пива ничего не надо, — сказал Серафим и подкинул еще. — Уши горят, — сказал Ратибор. — И душа, — подхватил Никандров. — Пошли выпьем.

Они вышли.

— Где ты этого Ратибора откопал? — спросил Федор Степанович, когда они остались одни с Серафимом.

— Так, одними дорогами ходим, — ответил Серафим. — После какого-то семинара, где вместе выступали, познакомились, стали общаться. Он на своей волне, конечно, без царя в голове: без нашего, но со своим.

— Стучишь на него?

— На него постучишь. Вояки потом тебе настучат.

— Да ладно, пошли, — закончил Федор Степанович, и они вышли из парной.

Ребята сидели за столом распаренные и довольные. — Уже много накинули? — спросил, глядя на их довольные физиономии, Федор Степанович. — Да нет, по две, — ответил Никандров. — Вот сейчас еще по одной, и все полетит. И поскачет. — Понятно, — ответил хозяин и пошел с шампурами к мангалу. — Сейчас закусим.

Серафим достал пиво.

Эпизод восьмой

Спорили уже часа три. Шашлыки были съедены, баня остыла, а они всё орали и орали. Серафим доказывал, что всепланетная сущность русского мира выше любой морали, а Никандров требовал наличия строгой морали строителя коммунизма.

Национальный вопрос держал их пока еще в рамках взаимоуважения, но искры носились знатные. Масла подливал Ратибор, пытаясь опрокинуть харизматиков пантеизмом и культами язычников. Но они отмахивались от него, называли недоразвитым фитнес-тренером, он обижался и посылал Никандрова за очередной бутылкой самогона. Спор мгновенно прекращался.

Материализм выпивки побеждал магию идеологии в два счета. Но вот Никандров возвращался — и все загоралось снова. Суть спора постоянно ускользала от Федора Степановича и Ратибора, они уже и не следили, а потом и вовсе ушли во двор и молча сидели, глядя на луну.

— Сирень хороша, — сказал потом Ратибор.

— Да тут всегда так, — согласился Федор Степанович.

— А ты сам-то как думаешь, нужна нам вся эта байда? — Ратибор кивнул в сторону дома.

— Нам — точно нет, — со смешком ответил дядя Федор. — А им — точно да. Они же сумасшедшие.

— А ты? — спросил Ратибор.

— И я, наверное, тоже. Но я жду Людочку, поэтому мне все нравится. Она обещала завтра приехать, и теперь я могу вытерпеть даже твои бредни. Давай задвинь что-нибудь. Как ты вояк агитируешь.

— Я не агитирую, я проповедую.

— А, ну да, я забыл — извини, — Федор Степанович встал. — Пошли, возьмем еще бутылку. Они, наверное, уже всё выпили, слышишь — стало еще громче.

Эпизод девятый

А Людочка в это время преследовала не опознанного еще убийцу семьи Погодиных. Она была экстрасенс. Она раскрывала убийства или намерения, если таковые были. Она была популярна среди своих знакомых, которым рассказывала о своих похождениях в потустороннем мире ощущений и грез. Ее любили все. Она располагала наивной подачей всего, что хотела подать. Она вселяла умиление и страх. Она царила, будучи не способной ни на что, но, погибая на глазах у собеседников, жила потом долго в их воспоминаниях.

Она ходила на телепередачи, и всем нравилось быть рядом со знаменитостью. Это все искупало и помогало Людочке существовать. Ее научил всему этому один старый развратник, который, слава богу, уже умер и оставил Людочке стезю, по которой она и шла то гордой поступью, то заплетающимися ногами — в зависимости от состояния ее души.

Вот такая вот взрослая теперь Людочка была музой Федора Степановича. Их платоническая страсть возникла в коридоре «Останкина», куда он пришел

зачем-то — кажется, поддержать Серафима в студийной массовке. Она тоже участвовала. Их глаза встретились, потом они очутились в буфете. Серафим разглагольствовал, она смущенно молчала, а Федор Степанович желал убить этого чокнутого философа, ибо больше всего на свете хотел остаться с Людочкой вдвоем.

Эпизод десятый

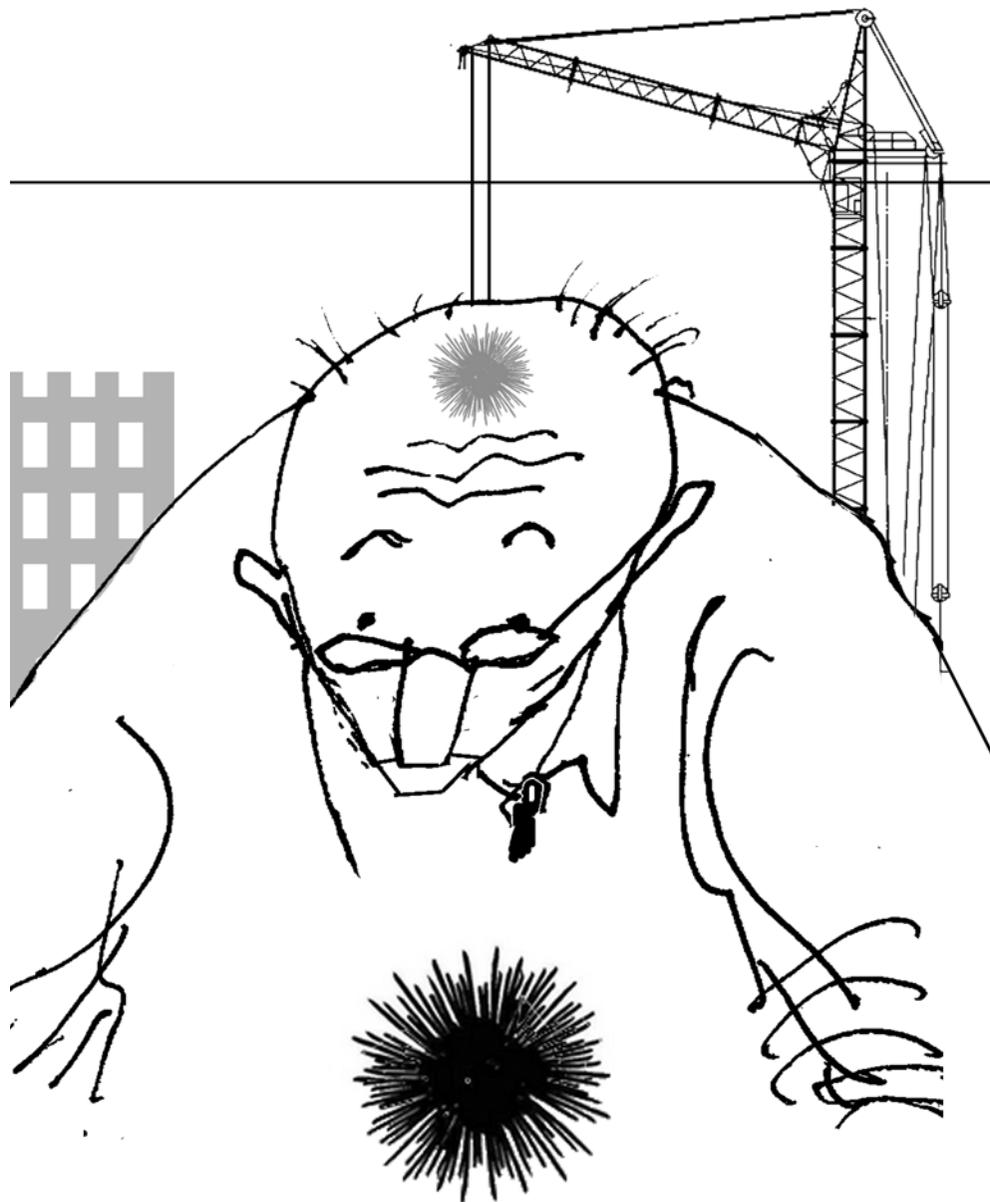
Вернувшись с винокурни Ратибор и Федор Степанович были встречены Никандровым и Серафимом с восторгом. У них кончилось, и ни одна победа русского мира или народа-суриката не могла сравниться с видом новой непочатой бутылки.

Быстро налили. Быстро выпили. Всех как-то совсем развезло. И все разбрелись. Кто куда.

Серафиму вдруг захотелось курить, он пошел на станцию. Никандров заснул за столом, не закончив разговор с Ратибором. Федор Степанович пошел стелить гостям, а Ратибор, глядя на спящего писателя, стал напевать песни, которые он выдавал своим сторонникам за нетленные творения древлян. В общем, все четверо были счастливы.

БОЛЬ

Эпизод первый

Э то как-то началось постепенно: то одно, то другое. То ногу подвернул, то руку потянул. Ну, такие нормальные бытовые случаи для любого тренированного человека. Копал картошку у родителей на даче — болела спина. Гланды вот еще в детстве вырезали — не мог глотать. Смешно так пил, и все через нос обратно. В стакан. Ну смешно же. Он всегда и смеялся. И не обращал внимания.

Естественно, с прошествием кругов лет мест боли в теле прибавлялось. И боль эта становилась частью жизни. Обычной рутины. Встал, размялся, вроде легче.

Ложишься, мечтаешь быстрее уснуть, а если болей нет, то хочется не спать подольше. Ему говорили: кто-то пьет обезболивающие, кто-то алкоголь, приспособляются люди по-разному. Проблемы одинаковые — выходы стараются найти разные.

Боль. Соматическая. Это оказалось нижней ступенью. Она превалировала, отпугивала скоротечную, но бурную боль психологическую или, как принято ее называть, душевную. Отпугивала-отпугивала до поры до времени, но пришлось сдаться под бурным натиском.

Соматика уступила. Теперь главной болью стала боль поступков, утрат, упущений, перспектив и со-

жалений. Оказалось — может, это не так остро, как бывает с болью почек или кишечника, но психику боль берет длительной осадой. Если это началось, то не спрячешься.

Эпизод второй

Агностий Палыч жил размеренно и упорядоченно. Он не пил, не курил, регулярно совершал пешие прогулки и учил латынь недолгими вечерами, ибо ложился рано.

Он был почти пенсионер в старом понимании этого слова. В таком советском смысле. А в теперешнем — отошедший от операционной деятельности строитель, консультирующий компании и следящий за выполнением технических условий проектов. Почти инженер человеческих душ. Строительно-монтажных.

Он всю жизнь на стройке. Вернее, рядом — в кабинетах проектных институтов. Документацию читал с листа, все понимал, и проверяемым надеяться было можно только на хорошо сделанную работу. Такой вот человек. Он был женат, дети выросли.

Жена занималась своим делами, он своими. Пересекались редко. На кухне.

Вот он и жил с болью. Или нет, скорее боль жила с ним, и это позволяло ему чувствовать себя живым.

Эпизод третий

Объект. Торговый центр. Огромный. Куча переходов. Многозальный кинотеатр. Торговые галереи, ну и все-все-все.

Работают очень разные подрядчики. Он знает: главное — бетон. Хороший бетон, правильно отлитый, правильно изолированный — это почти успех и подарок будущим арендаторам.

Он поехал туда посмотреть, как начали. То, что он увидел, было плохо. Некачественная опалубка, низкое качество бетона, несоответствие по нагрузке и по подготовке. Даже размеры не совпадали.

Он посмотрел на прораба. Тот пожал плечами:

— Я второй день тут, сам охуеваю, ваша светлость. Я сразу сказал, надо все переделывать. Но кто ж меня послушает. Вас слушают. Скажите им.

Он поблагодарил. Сел в машину и попросил отвезти обратно. Домой. По дороге позвонил владельцу подрядчика.

— Ну как вам? — Плохо. Надо все переделывать. — Да вы что. Это невозможно. За чей счет? Я разорюсь. — Ну, про это я ничего не знаю, но такое мое мнение, и я его выскажу. — Ах ты старый козел. Ты еще попомнишь меня.

Агностий Палыч отключился. Он мог продолжать этот бесполезный разговор. Он провел таких тысячи, и все они были примерно одинаковые. Вернее, похожие, как две капли воды.

Позвонил представитель заказчика, который, собственно, и являлся работодателем.

— Ну как там?

— Все плохо. Вы определитесь, что вы хотите. Переделывать надо все. Но этот подрядчик, наверное, не справится, хотя я видел на объекте сегодня — они наняли толкового прораба. Он понимает глубину глубины. Не уверен, понимают ли его начальники нынешние. В общем, вам решать.

— А сроки?

— Сроки сдвинутся не сильно, если не тянуть.

Заказчик поблагодарил и отключился

Эпизод четвертый

Агностий Палыч поел и сел смотреть в окно. У него внизу была улица и перекресток. Он любил этот поток случайного набора информации вместо телевизора с его запрограммированными потоками ненависти.

Позвонила дочка, он не принял звонок. Позвонила внучка. На нее он был конкретно обижен. Она уехала слишком далеко, чтобы навещать его, и это сильно его обидело. Вот прям сильно. Он надеялся, что она будет с ним в старости его беспросветной.

Дочь позвонила снова, Агностий Палыч ответил.

— Да, все в порядке. Да, я ел. Да, еда есть. Нет, я не знаю размера моей аневризмы. Они сказали, что очень она плохая просто, и все может произойти в любой момент. Нет, я не стану отвечать тебе, как часто я писаю, я еще помню, кто тут отец, а кто дочь.

— А что такого, подумаешь, я просто спросила. Мы просто с мамой обсуждали. Это важно для твоего здоровья. Я приду в воскресенье. В субботу веду своих оглоедов в цирк.

А дома у тебя не цирк, что ли, проворчал он, но тихо, про себя.

— Ладно, спасибо. Посмотрю, как я писаю, и общу тебе, раз это так важно. До воскресенья. Пока.

— Пока, папа.

Дочь повесила трубку.

Эпизод пятый

Повесила трубку. Эвфемизм ушедшей эпохи. Кто и куда вешает трубку теперь. Впрочем, многое в XXI веке стало виртуальным, нечетким, неконкретным. Это Агностия Палыча страшно раздражало, он вообще был человеком очень раздражительным, желчным, хотя и не злым.

И еще его очень раздражали его сосуды и жена. Которая опять ночевала у дочери. Ему было жалко себя. Они, конечно, по-своему заботятся о нем. Да и не надо ему особенно ничего. Вот они и помыкают. Потому что ему не надо, и они это знают.

Он продолжал крутить себя. Пока не появилась боль. Он сразу вернулся к реальности и затормозил. Стал успокаиваться и переключился на созерцание. Потом пошел и лег в постель. Долго ворочался. Вспомнил, что не почистил зубы. Пошел в ванную. Долго смотрел на тонкую струйку, падающую из его пениса. Почистил зубы. Лег снова. Тупо лежал на спине. Пока не начал задыхаться. Повернулся на бок — и очнулся только среди ночи. Нырнул снова — и вот оно утро.

Светло, и можно вставать, не боясь приступов ночных кошмаров, и варить овсянку, чувствуя себя

молодым победителем, начинающим все сначала. Все не так уж плохо, решил он, и сварил себе кофе. Стало вообще отлично.

Эпизод шестой

Он опять поехал на объект. Нашел прораба.

— Ну что?

— Да вот приказано поменять все здесь и здесь,— сказал прораб.

— А остальное? — равнодушно спросил Агностий Палыч.

— А остальное я предложил укрепить. Поставим дополнительную арматуру. Уравняем низкую марку бетона.

— Ну, вам видней. А что говорит официальный надзор? Они не против?

— Честно говоря, им всегда до [REDACTED], — сказал прораб. — Они всегда ведут себя одинаково. Предупреждают, но не запрещают. На вашу ответственность. А они умыли руки. Они же предупреждали. Вот предписание под роспись.

— Все-таки надо и вот эти основы столбов укрепить тоже,— сказал Агностий Палыч.

— Они не хотят больше тратить. Мои начальники говорят, что работают теперь в убыток. В надежде, что заказчик примет во внимание и что смогут заработать на других заказах.

— Ну, не знаю. Столбы надо укреплять.

— Ладно,— сказал прораб,— я им скажу. Пусть решают.

Они попрощались, и Агностий Палыч поехал обратно. А, впрочем, нет. Он же сегодня обедает со Славиком, вспомнил он.

Он попросил отвезти его в любимый итальянский ресторан. Это сказано громко, для красного словца, на самом деле он ресторанов не любил. Кафе, бары — куда ни шло, а рестораны — нет.

Но Славик он не мог отказать. Славик был сыном его студенческих друзей. Единственным человеком,

с которым он мог разговаривать. Просто разговаривать. Не терпеть мучительно конца. А наслаждаться процессом. Хотя и недолго. Потом начинало болеть. Или нога, или сердце, или голова. Последнее время голова болела часто, несколько дней подряд. Просто кошмар.

Но сейчас голова не болела, и это давало Славику шанс.

Эпизод седьмой

Славик был шустрый малый, который без потери этого качества превратился во взрослого мужика, вот-вот стукнет полтинник. В почти пожилого мужика, значит.

Он встал навстречу Агностию Палычу, здоровый, толстый, лысый. Они обнялись. Сели за стол.

— Я уже заказал все, как вы любите,— шумно задвигался Славик.

Он был в развлекательном бизнесе. Так, наверное, там надо, полагал Агностий Палыч.

— Спасибо, Славик,— сказал он.— Тогда рассказывай, как и чего. Сколько мы не виделись?

— Мы не виделись с прошлого года, с весны,— отвечал Славик.— Я приехал, у меня новый проект. Был в Дубае, там познакомился с ребятами, решили запустить новую антрепризу. Они хотят, чтобы актеры были отсюда, именно из здешних театров. Вот приехал посмотреть. Кого можно подрядить.

— А что, теперь Дубай — центр мира? — спросил Агностий Палыч.

— Ну да. Можно сказать и так. Хотя, вы же знаете, я люблю Милан. И бываю в основном там. Ну в смысле рядом. На Гарде. Вы же были там у меня?

— Был. Давно, правда. Но ты же знаешь, я не тусовщик. И не был никогда.

— Ну да,— Славик его и не слушал. Рассказывал про антрепризу, которую катал последние два года. Как предлагали взять театр. Но мороки много, обязательства. А он не хотел всего этого, хотя, может,

и придется. Свободного рынка почти нет. Деньги есть, навалом, предупредил он немой вопрос. Боятся инвестировать без кивка от власти. А власть — это опять обязательства, а у них и своих хватает, плодить не хотят. Увеличивать риски.

Славик все продолжал, а Агностий Палыч ел и замечал, как от солнечного сплетения начинает подступать тошнота. И жар. И покалывания кожи. Ноги мгновенно затекли.

Так. Ладно. Потерпим пока, решил Агностий Палыч. Включился. Славик рассказывал, как некая дама заказала себе артистов на частную вечеринку, а они явились пьяные или под кайфом. Был скандал. Приехали их менеджеры. Ну, вы понимаете. Улаживали.

Эпизод восьмой

Агностия Палыча слегка отпустило. А ведь могло в этот раз уже и не отпустить. Все-таки непонятно — аорта это или поджелудочная, или сосуды-капилляры сами по себе такое устраивают. Он злился. Испортилось настроение.

Он извинился и пошел в туалет. Посидел на горшке. Послушал птичек. Вроде действительно полегчало. Хоть не упаду, подумал он. И на том спасибо. Пойду: может, еще спасем обед.

— Славик, тут по-прежнему вкусно, — сказал он, садясь на свое место за столом. — Извини, прихватило чего-то. Я ведь к тебе прямо со стройки.

— Вот вы неугомонный. Денег не хватает?

— На что они мне? На кефир? Скучно. Отвлекает. Ты здоров?

— Ну, мы если здоровы — значит, не дообследованы, — Славик был в своем репертуаре. Шутил.

— Ну и хорошо, и не дообследуйся. Догадываться всегда лучше, чем знать.

Боль где-то слева под ребрами вернулась. Голова слегка кружилась. Но это он научился контролировать. И Агностий Палыч бодро продолжил:

— Скажи мне, театр умер совсем? Что мы имеем теперь?

— Ну, театр умер в советском понимании театра. Да, умер. Осталась инерция и какие-то новые формы, постсоветские, перелицованные западные расстут, но это, конечно, не развитие. Наверное, можно надеяться на синтетику. Новый звук, новый свет, новая механика сцены — это все будет развиваться. Но актеры нужны, а их нет.

— А все остальное?

— Все остальное есть, — Славик махнул рукой. — Вам-то это зачем? Вы же вроде не увлекались никогда.

Эпизод девятый

Он хотел говорить о боли, показывать боль. Он хотел, чтобы все терпящие боль сепаратно, по своим углам, знали, что они не одни. Что глушить ее бесполезно, ее надо проговаривать, ее надо показывать, из нее надо созидать. Всего этого он не мог сказать Славике, но очень хотел.

Агностий Палыч вслух сказал:

— Ты же знаешь, отец назвал меня Агностием, потому что не верил сам, но хотел дать мне возможность разобраться самому, вот я и разбираюсь. Есть у меня некие идеи. Но о них мы поговорим, давай, в следующий раз. Не будем перегружать общение слишком.

Славик кивнул, они заказали десерт и проболтали ни о чем еще целый час.

Агностий Палыч явился домой почти счастливый. Так хорошо ему было. С пустой душой, полной одной радостью беспонтового общения. Ну, это когда людям не надо ничего материального друг от друга.

Спал он отлично. Утром поехал на объект. Представитель заказчика и подрядчик разговаривали. Когда Агностий Палыч вылез из машины, прораб сказал, что споры из-за столбов зашли в тупик. Агностий Палыч поздоровался и сказал, что если они укрепят

столбы, то будут спать спокойно и гордиться собой за правильно принятое решение.

Они смотрели на него с недоверием, и когда он закончил, подрядчик сказал, что это все демагогия и смысла в укреплении столбов нет.

Агностий Палыч ответил, что он греха на себя брать не будет, ему и своих хватает, поэтому он напишет в прокуратуру и в стройнадзор, или как эта контора теперь называется.

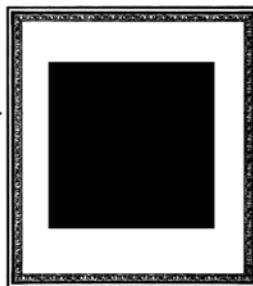
Представитель заказчика тут же объявил, что Агностий Палыч уволен вчерашним числом. Приказал на объект его больше не пускать.

Подрядчик глядел на него с ухмылкой. Агностий Палыч развернулся и пошел прочь.

А все эта боль. Все-таки соматическая — она как-то формально больнее, но отпускает — и сразу легче, жить хочется. А психологические страдания носят удушающий характер. И ничего не докажешь. Вот как с этими столбами. Все известно — и ничего. Так и с душевными болями. Причины есть — и ничего. Впрочем, Агностий Палыч дна еще не достиг.

КАРАОКЕ

Эпизод первый

Степанов был обычным чиновником, много лет трудился в министерствах и администрациях, впереди уже маячила пенсия.

И все бы ничего, но как-то вдруг все закружилось в вихре вальса распоряджений и нервотрепки вышедшей из налаженного ритма жизни. Теперь он все время боялся новостей. Коллеги общаться стали скупко, о себе рассказывали мало, обрывочно. Он чувствовал эту перемену перехода импатии к антипатии, находил ее и в себе. Тем сильнее он тяготел к своей оставшейся компании, которая сложилась за годы службы человек к человеку.

Последние годы они собирались в караоке-баре недалеко от Китай-города, им там было всем рядом, они после работы раз в месяц пели песни. Какие? В основном им нравились песни из старых советских фильмов, ребятам помоложе они нравились даже больше.

Степанов же предпочитал «Битлз» и Гребенщикова. Хотя теперь это и не приветствовалось, но чем дальше, тем сильнее мелкие запреты раздражали. Все эти залезания начальством в личное пространство Степанов не любил. Но терпел. И даже шутил на эту тему с ребятами.

Вот и сегодня был именно тот самый четверг. Рыбный день. Их день. Караоке-день.

Эпизод второй

Степанов пришел на их ежемесячную закрытую пати, и администратор проводил его в кабинет. Их здесь хорошо знали. Они шли по лестнице и немного поболтали о погоде и выходных.

На месте уже был Никита. Никита работал, как он любил говорить, в детском мире, друг друга они называли соседями. Он был самый молодой из них. Шустрый, веселый, спортивный. И с нормальной головой.

— Трепещите, — приветствовал он Степанова, — я сегодня в голосе.

Да, Никита был голосистым и попеть любил очень. У Степанова не было ни слуха ни голоса, поэтому он любил пение Никитаа.

— Никита Петрович, как здоровье? — Степанов сам полез обниматься, тыкая приятеля своим обширным животом, но длинные руки Никитаа крепко сжали его плечи:

— Все прекрасно, Степаныч. У меня отпуск скоро. И я поеду на Алтай. На речку. В общем, красота, — глаза его помутнели от восторга. — Красота, — повторил он еще раз.

Они сели к столу и закурили.

— Расскажи, как же вы упустили все это. Как же так? — спросил Степанов.

— Да вот так, — ответил Никита, — сами удивляемся. У нас же начальников много, а исполнителей мало, все мечутся, команды грозные раздают, а исполнять их некому. Это, может, и хорошо в штабной суете, но в реальном процессе так нельзя. А если выполнять все, что ваши заразы придумают, то ничего хорошего в результате не выходит. И мы выглядим кровожадными упырями, а вы умными функционерами ЦК. Красавчики!

— Да ладно, чего ты заводишься, — сказал Степанов. — Спой лучше что-нибудь Алкино: почувствуешь себя диссидентом — и полегчает. «Паромщик» хорошо у тебя выходит.

— Да ладно тебе подкалывать, — не обиделся Никита и поглядел на свои модные ботинки. — Ну, если вы просите, — скосил он глаза на Степанова. Тот закивал, улыбаясь: просим, спой. И Никита спел. Он знал песню наизусть. И Степанов знал. Им было хорошо. Они были паромщиками. На реке. Ух.

Эпизод третий

Администратор клуба привел опоздавших. Шумные аппаратчики из Белого дома. Бусыгин и Альберт. Альберт служил в секретариате, а Бусыгин — помощником министра. Бросились к столу.

— Чего — еще не налили? — Нет, — ответил Никита, — вас ждали. Опомнившись, пришедшие начали обниматься. — Пели? — подозрительно спросил Бусыгин. — Одну, — ответил Степанов. — Ну, тогда давайте выпьем, создав логическую цепочку, — предложил Бусыгин и разлил водку по рюмкам.

Они обычно пили водку сначала, а виски позже. Или не пили, если не доходили до этой кондиции.

— Слушайте, — сказал Альберт, а слышали — говорят, все-таки Сергей Семеныч к нам.

— Слышали, — ответил Никита. — Но это вряд ли. Зачем ему? И зачем всем остальным. Ну, кроме ваших стратегов, — он кивнул на Степанова. — Да бросьте вы телеграмные байки пересказывать. Давайте я вам лучше расскажу, что творится теперь на всех комсомольских встречах. Обучение актива. Бесконечный поток. Такая тупизна.

Эпизод четвертый

Никита спел уже пять песен, Бусыгин три, Степанов одну, а у Альберта болело горло. Всех немного отпустило, чему способствовали и три пустые бутылки водки.

— Создается Министерство молодежи, куда сольют все — от туризма до образования, — сказал Бусыгин. — Вот начальник Альберта рассматривается, такие дела.

— А чего ты вдруг вспомнил? — спросил Альберт.

— Да я вот думаю, — сказал Бусыгин, — что пропагандистская машина становится все примитивнее, усилий много, а КПД все ниже. Что дальше?

Степанов ухмыльнулся:

— Бусыгин, ты наш гений, ты задал главный вопрос отечественной номенклатуры — что дальше? А давайте закажем по бифштексу, а?

— Не, я не могу поздно есть, — сказал Альберт, — меня жена убьет. — И правильно, ты не ешь, мы съедим, — сказал Никита и нажал кнопку вызова официанта. Явился тот быстро, они быстро заказали бифштексы плюс водки. Никто не хотел домой, все хотели единения и братства, чтобы наступил тот момент, когда они, как раньше, были молодыми и на всё способными, с кудрями до плеч скакали на быстрых конях навстречу Бекингему по заданию королевы. Ну да ладно. Им и теперь неплохо. А песни из «Трех мушкетеров» они сейчас споют. И все продолжится.

Степанов начал первым... Есть в графском парке черный пруд... Там лилии цветут... Остальные искали в каталоге номера песен. Своих. Проверенных.

Эпизод пятый

Степанов глядел на Никиту, поющего про Констанцию, и думал, как бы ему узнать, не известно ли что-нибудь про будущее перемещение его начальника. Очень много работы стало и часто суета, а не содержание, усталость как результат. Надоело. До пенсии надо было еще как-то дослужить, дергаться поздно, да и не хотелось ему никуда, везде не лучше, считал он.

Никита мог знать, его пути и начальника Степанова пересекались. Но дружба и служба — разные вещи, а дружбой Степанов научился дорожить.

Принесли мясо. Застучали ножи и вилки. Выпили еще водки. Они не говорили о войне. Никогда. Только эвфемизмы, только вокруг. Молчание. Глухое. Как говорил один функционер, глаза в пол и быстрым шагом. Так проскакивали тему. Но вопрос, что дальше, никуда не девался — и не мог.

— Слушай, — сказал Бусыгин, обращаясь к Степанову, — а когда вы перестанете изобретать новые смыслы один бестолковее другого: бережливая экономика, волны поддержки и цифры ВЦИОМа. Это же нельзя так бесконечно. Эти постоянные недовложения смыслов. Куда это нас ведет?

— Сам знаешь, куда, — пробурчал Степанов. — Вот его спроси — куда, — он кивнул на Никиту. — Это всё они. То измена, то агенты.

— Ну, началось, — закатил глаза Никита. — Давайте я вам лучше спою.

— А мы не против, — сказал уже сильно уставший Альберт. — Только давайте сначала накатим.

Выпили. Никита спел. Все молчали.

Эпизод шестой

— Так мы патриоты или нет? — Бусыгин взял быка за рога. — Почему нам не хочется на фронт тогда? — Он, когда бывал пьян, был до чертиков лапидарен. — Почему? Тебе хочется или тебе? И мне нет. Я спрашиваю.

— Ну, потому что мы непризывного возраста, — пытаюсь погасить пожар, шепотом отвечал ему Степанов, скрестив руки на обширном своем животе. — Спой лучше свою любимую — там, где москвичи и кирпичи. Златые купола. Ну, Шнура-то эта песня, ты ее часто раньше пел.

— А надоела она мне. Я другую полюбил, — сказал Бусыгин. — Давай найди мне Гребенщикова «Нас с тобой [REDACTED], брат-боец» или как-то так она называется. — Бусыгин постучал по столу микрофоном. Микрофон жалобно загудел. Бусыгин встал. Он был тощий, длинный, нескладный, но приобретший

с годами кабинетный лоск. Ну, такой паркетный. Вы знаете. Обтертый камушек с переводной картинкой.

Он запел. Высоким голосом. Фальцетом. Песня была, слава богу, не длинная.

— Вот, — сказал он, усаживаясь на свое место. — Может, напьемся?

— А мы что делаем? — отозвался Альберт. Он слегка протрезвел и находился в равновесии души и тела. Ему хотелось любви. И он запел про кавалергардов, век которых недолог. Никита со Степановым выпили. Степанов тупо задал свой вопрос про начальника. Никита тупо ему ответил: не знаю, и отъ [REDACTED]. Значит, я в точку попал, удовлетворенно извиняясь за бестактность, подумал Степаныч.

Эпизод седьмой

Позвали местную исполнительницу песен. Она спросила, что петь. Никита сказал: на свой вкус. Закурил. Она запела «Ватерлоо». Он был не против, Степанов кому-то писал в телефоне, Альберт ушел в туалет, а Бусыгин налил себе и выпил. Никита отказался от предложения составить компанию. Девушка пошла дальше по АББе. Никита спросил Бусыгина, какие настроения в Белом доме. Обсуждается ли повышение налогов.

— А то, — ответил Бусыгин, — еще как. А настроения простые, как и раньше, я же тебе говорил. Ничего не вижу, ничего не слышу и от сих до сих работаю. У вас, можно подумать, по-другому.

— К сожалению, по-другому, — ответил Никита. — Слишком много рьяных, пытающихся прыгать через ступени без тормозов. Это создает дополнительную нервозность, а люди и так черт-те чем занимаются. Ходят по гадалкам, оккультистам, бухают по-черному и наркоманят. Спасаются, в общем.

— У нас то же самое, — сказал, подсаживаясь к ним Степанов. — Мы-то с вами такие же.

— Ну, не совсем,— сказал Бусыгин.— Мы взрослые и опытные. У нас ипотеки и пенсии. Нам ошибаться нельзя.

— А мы и не будем,— твердо сказал Степанов.

Эпизод восьмой

Девушка, перепев всю АББу, ушла передохнуть, а вернувшийся и повеселевший Альберт сказал, что встретил в общем зале знакомых, которые рассказали ему, что в МИДе идут повальные аресты, вроде как кто-то дал на всех показания о какой-то нелегальной торговле.

— Вот все-таки началось,— озабоченно сказал Никита, встал и вышел.

— Звонить пошел,— бросил вслед Альберт.— Ишь шустрый. Но это не его епархия, чего он подорвался.

— Вы за собой следите,— сказал Степанов.— Давайте счет попросим, второй час уже. Пока окажемся дома, уже почти утро будет.

— Ну и что,— сказал Альберт,— я отлично отдохнул с вами, ребята.

— Я тоже,— сказал Бусыгин,— но завтра у меня тяжелый день. Я тоже за то, что пора закругляться. Сегодня кто платит?

— Я,— отозвался Альберт,— моя очередь.

— Ну, тогда я побежал,— сказал Бусыгин и надел пиджак.— Пока, ребята. Берегите себя.

— И ты,— ответили ребята.

Эпизод девятый

— Что скажешь, Альберт? — Степанов пристально посмотрел на него.— Я заметил, ты сегодня не в своей тарелке весь вечер.

— Да, блин,— сказал Альберт,— моя беременная, всё как-то ни к селу ни к городу, куда сейчас рожать, а она уперлась: буду и всё. А ты же знаешь, у меня она не одна теперь. В общем, с утра до ночи крик и разборки. То туда, то сюда.

— Ты потерпи,— пожевал губами Степанов.— Оно, сам знаешь, само, бывает, пройдет, если потерпеть.

— Это-то да, а дальше что?

Да-да, что дальше, крутилось в голове Степанова, кто же знает — что. А вслух он сказал:

— Давай не будем ждать, пойдем вниз, по дороге заплатим. Никита, похоже, смылся, не прощаясь.

— Пойдем,— согласился Альберт.

Они спустились, заплатили и вышли на улицу. Шикарная, почти летняя ночь. Эх, все-таки май — это май, скоро лето, а лето — это лето.

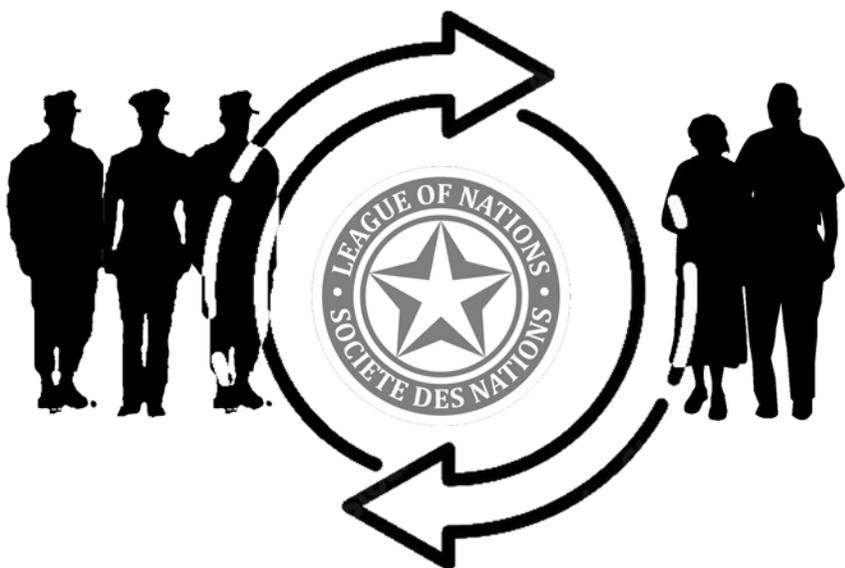
— Как твой рак? — спросил Альберт.— Нормально. Ремиссия.— Так это же супер. Пошли выпьем кофейку в «Метрополе», я угощаю.

Ишь разошелся, подумал Степанов и улыбнулся:

— Пошли!

ОБЫСК с АВЕНОЛЕМ

Эпизод первый

События этого дня развивались для Рыкина стремительно. Много лет длилось, то затухая, то вновь открываясь, дело, возбужденное по факту, совершенное неустановленной группой лиц.

И вот лиц устанавливали, вину пытались определить, происходили какие-то события у знакомых и незнакомых лиц. Все это стало давно фоном его жизни и вот теперь материализовалось конкретно, вербально и очевидно.

Все начиналось стандартно. Он пришел к следователю. Следователь вместо обычного очередного заполнения протокола, предъявил Рыкину постановление об обыске. Рыкин удивился, нет, испугался, засосало в животе, захотелось пить и в туалет. Эта иррациональная вина от рождения, она всегда была с ним, как и со всеми остальными.

Он не был ни в чем виноват, он был в этом уверен, как, впрочем, и в том, что точно виноват, только не знал, в чем конкретно.

Следователь предложил не откладывать и, если он не против, то можно было бы поехать в адрес прямо сейчас. Вот это «в адрес» зацепило слух Рыкина и повергло окончательно в безлимитную тоску. Он ответил:

— Почему нет. Давайте сейчас. Это даже лучше. Раньше сядешь раньше выйдешь.

Следователь посмотрел на него странно и попросил подождать в коридоре. Через какое-то время, непродолжительное, мимо Рыкина прошли в кабинет следователя два мужика. Следователь позвал его.

— Вот, знакомьтесь, это товарищи, которые будут проводить обыск. А вы на машине?

— Да, — ответил Рыкин.

— Отлично, — обрадовался один из мужиков. — Тогда вообще здорово.

Поехали. Они все вышли дружно. Прошли проходную. За углом через дорогу нашли его машину, сели и поехали.

— Мы не побеспокоим никого, — неожиданно спросил один из мужиков. — Дети, родители?

— Нет, все нормально, — ответил Рыкин. — Никого дома нет.

— Это очень хорошо, — констатировал мужик.

Надо же, подумал Рыкин, сентиментальные.

Ехали недолго. Даже странно. Город был почти пустой.

Эпизод второй

Достаточно быстро нашли понятых — соседей с нижнего этажа. Они безучастно смотрели на Рыкина. Он их смутно помнил, они были не знакомы. Тем лучше, подумал он. Тем лучше.

Один из сотрудников объяснил им их права и сказал, что в конце они должны будут подписать протокол обыска. Они безучастно кивнули и лишь поинтересовались, сколько это все будет длиться. Сотрудник пожал плечами.

— Несколько часов, объем вроде небольшой, — он огляделся. — Да, думаю, быстро управимся.

Рыкин не представлял, что они хотят найти, так как не понимал сути дела. Ему следователь говорил о связи его с какими-то бизнес структурами, которым

он помогал в подписании выгодных контрактов через влияние на сотрудников госструктур.

Это выглядело странным бредом и, тем не менее, продолжалось. Возможно, суть дела была в чем-то другом, но он не понимал, в чем. Чем он мог так привлечь внимание. Кому перешел дорогу.

Эпизод третий

Один из понятых, пожилой московский интеллигент на вид, прочитал на листе, лежащем на столе: Жозеф Авеноль.

— Ничего себе, какие вы имена знаете. Этого уже никто не помнит.

— А вы откуда помните, — спросил Рыкин.

— А я диплом писал когда-то по Лиге наций. Шикарное время было между войнами, такая густая история, какие личности.

— Всегда хорошо там, где нас нет, — сказал Рыкин.

— Ну и какая у вас оценка всего, что тогда происходило с Лигой наций? — спросил Рыкин соседа-пнятого.

— Так сразу вам и не отвечу. Очень много интересов переплелось. Все были каждый за себя, поэтому все пошло по самому нехорошему пути. А когда договорились, было поздно. Много думали о себе и мало о последствиях. Знаете, легко судить потом. Вообще, историк — идеальная позиция, если вы понимаете, о чем я.

— Что вы так огульно, сказал Рыкин. — Историки, наверное, разные бывают.

— Теперь их практически нет. Теперь это область пропаганды и формирования общества. Сфера влияния власти на граждан. История всегда под давлением государства...

— Вы на пенсии, надеюсь, — перебил его Рыкин.

— Разумеется, — рассмеялся сосед. — Очень удачно получилось. Я прям выскочил вовремя. Почти не испачкался, ну почти, — опять рассмеялся.

Какой веселый сукин сын, подумал Рыкин.

Эпизод третий

Второй понятой была пожилая женщина. На вид с трудной судьбой, очень уставшая. Неряшливо одетая, странная для этого дома. Впрочем, может быть это чья-то домработница, застигнутая врасплох и не нашедшая в себе сил отказать органам. Она смотрела на все безучастно, часто прикрывала глаза, пыталась дремать, хотелось надеяться, что у нее это получалось.

А пенсионер продолжал.

— А что вас заинтересовал Авеноль? Он был генсеком лиги в конце тридцатых. Очень много пересячений с нашим временем до состояния смешения.

— Да, это правда.

— Бухгалтер вдруг, случайно, как многое тогда, становится генсеком. Да еще француз. Вы пишете? — спросил пенсионер.

— Пытаюсь, — смутился Рыкин. — Вот как раз про Авеноля.

— Ну да, не всем же про Понтия Пилата писать, — опять засмеялся сосед.

У него отличное пищеварение должно быть, подумал Рыкин. Возможно, он радуется, просто радуется своему существованию каждый день, возможности пообщаться. Для него это не участие в обыске, а салонная беседа об интересном предмете с нескучными собеседниками.

Эпизод четвертый

Мысли скакали в голове у Рыкина. Все-таки нервы, думал он. Общение с органами правопорядка неприятны всегда, а когда копаются в твоих вещах, то это как-то совсем. Хорошо сосед отвлекал. И дался ему этот Авеноль.

Рыкин записал фамилию случайно, после разговора с одним человеком, с которым они обсуждали параллелизм истории. Цикличность и повторяемость. Возможно, говорил товарищ, это происходит потому, что последующие косплеят предыдущих. Так как

решений нет, а новизна есть. Вот они и применяют приемы бывших в аналогичных ситуациях.

Вот, говорил он, Сталин, например. Он просто повторял ходы Ленина, и не только повторял, но и сделал из него фундамент своей власти. И идея культа оттуда же. Ленин руководствовался построениями государств на основе религии, таких примеров много в истории, только он создал как бы антирелигию, что, впрочем, одно и то же по сути — религиозный культ или тоталитарный. Одно и то же.

Рыкин посмотрел на соседа, тот, оказывается, все время ему что-то говорил, а он был занят своими мыслями, этим старым разговором.

— Да, простите, я отвлекся, — пробормотал он.

— Да ничего, — сказал сосед. — Я просто говорил о войне с так называемыми белофиннами. В международной проекции ее как бы не было, по мысли советских деятелей. Это была помощь братьям-коммунистам, которые боролись, соответственно, за светлое будущее.

Эпизод пятый

— В Википедии написано, — сказал Рыкин, — что Авеноль был против британцев настроен очень сильно и заигрывал с немцами и итальянцами. Получается, что желание выдавить Англию из европейской повестки — это старинное желание деятелей с континента.

— Да, — согласился сосед.

Их прервал один из производивших обыск.

— Что на дисках? — спросил он. Он показывал на стопку дисков.

— Это записи каких-то передач, я увлекаюсь историей. Записывал лекции, до ютуба, теперь в этом нет нужды, — сказал Рыкин.

— Нам придется их забрать. И жесткий диск и все остальные дивайсы.

Рыкин пожал плечами.

— Прошу понятых перейти сюда, — сотрудник показал на другую комнату. Это была спальня. Понятые встали в дверях.

— Симпатично у вас, — сказал сосед.

— Бывает, — ответил Рыкин.

Сотрудник посмотрел на него внимательно.

— Это ваше?

— Что?

— Все, что в этом шкафу.

— Наверное, — опять пожал плечами Рыкин. — Я не особо помню, что там. Одежда и какие-то старые бумаги, наверное. Там, — он показал рукой, — книги.

— Ну да, — ответил сотрудник, — продолжим.

Эпизод шестой

Рыкин испытал какие-то чувства, они приходили нечасто и всегда ночью. Такое ощущение бесконечности. Нет, бесконечно медленно длящейся катастрофы. Он проваливается куда-то в пустой космос, и это как бы длится вечно.

Может быть, мы все-таки имеем связь с космосом на каком-то цифровом уровне. Вернее, не связь, а некий код, который лежит в основании нашего мозга. И чувств.

Впервые он испытывал это днем. Как бы наяву. Как бы в режиме реального времени. Обыск и разговоры шли фоном. Он воспринимал их как на экране. А внутри и снаружи его была бесконечная пустота.

Нет, не было никакого внутри и снаружи. Рыкин был одновременно и внутри, и снаружи. Я прям растворился в бесконечности, подумал он. Круто. Страшно. Необычно. Можно ли было назвать это прекрасным или безобразным, Рыкин не знал, потому что он в этой ипостаси не мог оценивать, не имел точек отсчета. Нет, еще проще — в этом не было нужды, не было потребности. В этом состоянии не требовались оценки. Все текло. И было одинаково бессмысленно, но не в оценочном смысле этого слова. Не было слов.

Эпизод седьмой

— Это что? — сотрудник, проводивший обыск, показывал ему черную небольшую коробку.

— Не знаю.

— Что в ней?

— Не знаю.

— Понятые, прошу поближе.

Сотрудник снял крышку. Внутри оказалось много прозрачных граненых маленьких камушков. Они блестели на свету. Все с интересом смотрели в коробку.

— Мы это изымаем. Сейчас опишем, пересчитаем.

— Да, конечно, — сказал Рыкин, по-прежнему не представляя, что это за камни и откуда они взялись.

— А вы богаты, — засмеялся в который раз сосед. — Не знали? На мой непосвященный взгляд, это кристаллы типа Сваровски или что то подобное. Стекло или хрусталь. Но вообще интересный случай. Но тут важно учитывать вес. Он зависит от плотности. Поэтому трудно спутать. Тому, кто хоть раз держал в руках настоящие ценности. Это прям как наша с вами чудесная беседа с Авенолем. Вы прям предвосхитили находку этих подменных камней. Эта Лига наций и деятели ее — все были такой коробкой. Ненужными вещами, призванными манипулировать, блеснуть, ничего не решать, заполнять полосы газет. То, что теперь принято называть белым шумом.

— Пока более властные занимаются газлайтингом, — спросил Рыкин. — Заказывают его, придумывают и продвигают под его прикрытием настоящие решения или их имитацию. Все это один сплошной Авеноль.

Эпизод восьмой

— Ну, мы в целом закончили. Забираем диски, камни, старые телефоны и этот смартфон. Понятые, подписывайте и все свободны.

— А что со мной? — спросил, сам того от себя не ожидая, Рыкин.

— А вас следователь будет информировать. И он распорядится, если решит вернуть вам изъятое, если не будет приобщать к делу.

Закрыв дверь за всеми, он сел в кресло перед большим окном. Под ним расстилались Патриаршие пруды. Это был его любимый вид.

Он пытался вернуться в то состояния слитности с пространством, какое испытал час назад, но не смог. Эх, с досадой подумал он.

В дверь звонили. Рыкин никогда не открывал, если никого не ждал. Но в этот раз пошел и открыл, на лестнице стоял сосед, бывший понятой. В руке он держал бутылку водки, в другой банку с огурцами.

— Я подумал,— сказал он,— что вам сейчас не помешает, да и я, знаете, впервые был в такой ситуации. Наверно, вы скажете — почему водка?

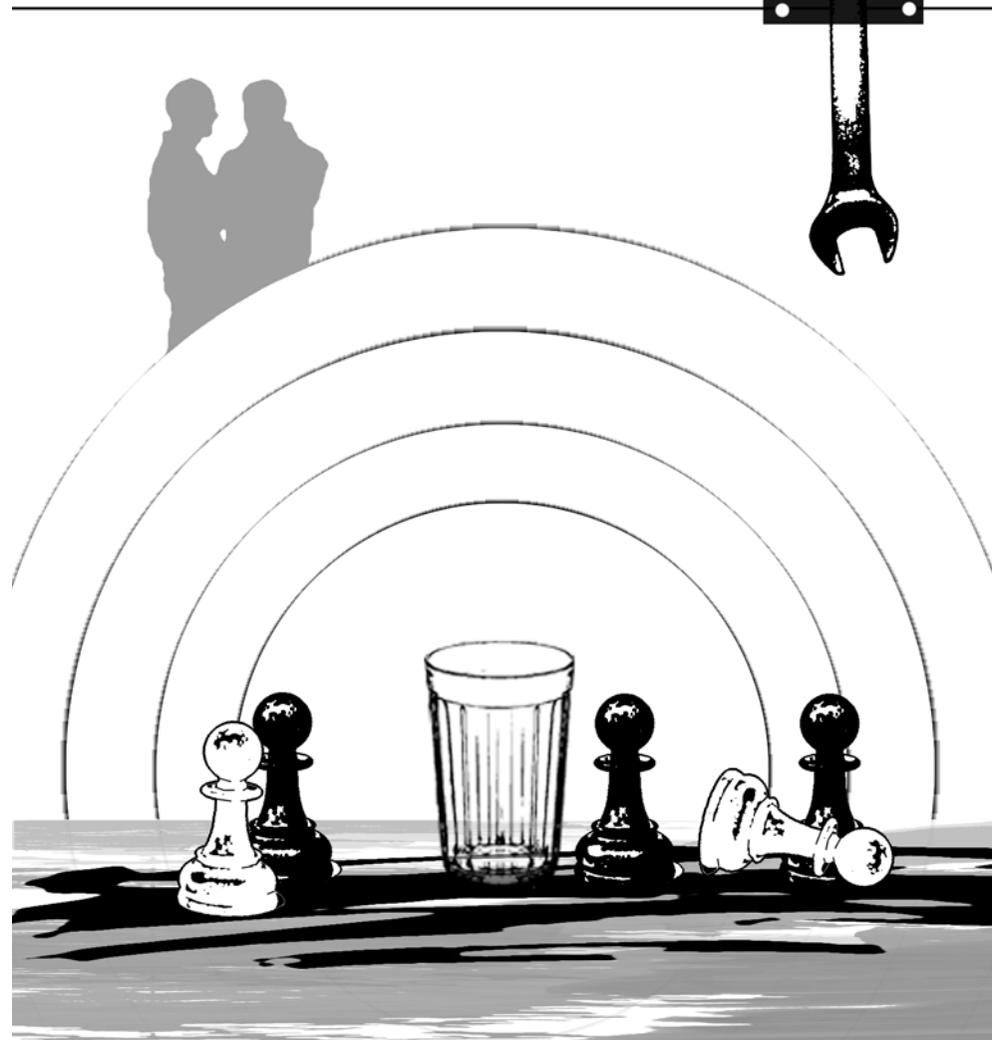
Рыкин отступил, приглашая гостя. Сосед прошел и оглянулся.

— Так вот, я вам объясню сейчас. Я мог принести виски, но в данной ситуации это мелко, коньяк — пошло, вино — несоразмерно. И нехитрым таким пересчетом я добрался до единственно возможного решения. Ибо водка это и лекарство, и философия, и прощение, и вина. Огурцы, конечно, для того, чтобы сбавить снобизм моего подхода.

— Я рад, что мы познакомились,— сказал Рыкин,— садитесь, где вам удобно, я поищу рюмки.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Эпизод первый

С негирев — на самом деле все звали его Витек — работал в ремонтных мастерских автотранспортного предприятия. Они соединяли своими автобусами два соседних города в Саратовской области. Сейчас Витек опаздывал и беспокоился: был он у начальства на совсем нехорошем счету. Опять Петрович будет выговаривать. Петрович был мастером у них. Ну и бригадиром. Витек не всегда понимал разницу.

Он шел по промзоне, пытаясь не попадать ногами в грязь. Но получалось это не всегда — грязи было много. Так было всегда, сколько он себя помнил. Захолустье.

Он проскользнул сквозь проходную и очутился в родной ремзоне. Рудольф Валентинович укоризненно — как всегда, впрочем, — посмотрел на него. Рудольф Валентинович был взрослым, душевным, всезнающим, прилежным рабочим. Мастером на все руки. Благодаря ему люди могли дожидаться автобуса и не состариться совсем за время ожидания. Кулибин — так бы называл его Витек, если бы знал о существовании Кулибина.

— Слышал, — закричал ему Витек, — в Москве опять кого-то арестовали. Рудольф не удостоил его ответом:

— Иди посмотри на триста восемнадцатый, ему выезжать пора на линию. Там, кажется, масло ниже нормы.

Витек быстро двинулся к автобусу, радуясь, что идеально вписался в рабочий день.

У автобуса он встретил Кочергина, старого забулдыгу, которого давно надо было уволить, но ни у кого рука не поднималась: когда-то он был директором этого всего, а теперь почти бомжевал в цехах. Держали из уважения, ну и вообще — по обычной сентиментальности провинциальной.

— Что, Витек, сегодня остограммимся? На тебя вся надежда у меня, — сказал Кочергин.

— Не знаю, — протянул ему руку Витек, — не уверен, у меня планы на вечер пока еще сохраняются, — он имел в виду надежду на поход в гости к местной царевне. Ну а вдруг она наконец откликнется на его бесконечные смс. — Там видно будет, — махнул рукой Витек и пошел дальше.

Эпизод второй

День прошел как-то быстро. Поели. Что у кого было. Согрели чаю. Рудольф Валентинович достал шахматы и позвал Кочергина: давай сыграем. Кочергин подсел поближе, и они расставили фигуры. Белые выпали Кочергину.

— Давай начинай, — сказал со вздохом Рудольф. Он играл хуже и надеялся на белых. Но не судьба.

— Все-таки Путин — молодец, дает им там всем прикурить, — сказал Витек, глядя на играющих. — Не дает воровать. Сажает их и сажает.

— Ага, — сказал Кочергин, — а они всё воркуют и воруют. Жаль Пригожин не дошел, дал бы им всем там просрать. Оборзели москвичи. Не чувствуют страну совсем. Все им мало, а мы последнее тут отдаем. И что дальше?

— Ходи, — сказал Рудольф Валентинович. — Вы безмозглые, аполитичные, никчемные существа. Вы не можете понять всю грандиозность замысла

нашего лидера. Он хочет, чтобы мы наконец зажили, работает день и ночь, а вы только и талдычите: посадил — не посадил. И что дальше?

— Хорошо, — сказал Витек, — а вот библиотекарьша наша Мария Ивановна за два поста ВКонтакте пять лет получила — это, по-твоему, правильно?

— Конечно, — Рудольф Валентинович степенно кивнул. — Конечно, правильно. Нужны рамки, и если вышел за них — извини, по всей строгости, без снисхождений слюнявых. Пусть думает, прежде чем писать.

— Шах, — сказал Кочергин. — Болтаешь много.

Эпизод третий

Рудольф Валентинович крикнул от огорчения и задумчиво уставился на Кочергина:

— Вот никак я тебя понять не могу, Кочерга. Ведь ты сознательный гражданин, руководил большим предприятием — и при этом не осознаешь текущего момента.

— Чего я не осознаю? Что они жируют, а мы тут ходим с голой жопой, — этого? — вскинулся Кочергин. — Это ты не осознаешь, что индюк ты напыщенный — и всё. Придумал себе, будто ты местный умник. А ты ведь дурак, — Кочерга закашлялся, он редко говорил так много.

— Ладно, ты выиграл. Давай еще одну, что ли, — примирительно сказал Рудольф Валентинович.

Эпизод четвертый

Они сыграли еще. Стало темнеть. Витек включил лампу над столом. Стало уютно.

— Может, я сгоняю? — спросил он. Кочергин посмотрел на Рудольфа Валентиновича. — Можно, — снизошел тот. — Попролам? — спросил Витек. — Идет, — ответил Рудольф. — Хотя нет, постой, наверно, Петрович подтянется, как начальство уйдет. Бери две — и с него стрясем за одну. Он же больше нас получает.

Витек кивнул и взял деньги. Игроки продолжили. Кочергин сказал:

— Вот сейчас придет Петрович, мы его спросим, что он думает.

— Он ничего не думает, — сказал Рудольф Валентинович. — Только чтобы автобусы ходили и зарплату платили. Нет, не так: чтобы платили, и он мог жене зарплату относить. Чтобы она была довольна и не пилила его.

— Да, пожалуй, — сказал Кочергин. — Он ведь при мне начинал. Молодой такой, после техникума. Орел. В институт заочный поступил, женился. А потом начались девяностые — и пошло-поехало.

— Нет, ты мне скажи, — перебил его Рудольф Валентинович, — сейчас лучше, чем в девяностые?

— Нет, — ответил Кочергин. — Я не чувствую себя живым. Вон посмотри на Витька: он вообще не знает, зачем живет. Да и ты сам. Что ты пыжишься?

— Я не пыжусь, — обиделся Рудольф Валентинович. — Я себя уважаю и хочу, чтобы и другие меня уважали. Чтобы был порядок, традиции наши и все остальное, как президент говорит. Чтобы была Россия, как мы хотим.

Эпизод пятый

Пришел Петрович.

— Сидите?

— Сидим, а куда нам деваться. Культурно проводим досуг, — ответил ему Рудольф Валентинович. — Посиди с нами, сейчас Витек придет, выпьем по сто грамм.

— Нет-нет, что вы, меня жена ждет, я не могу.

— Да ладно, так посиди тогда. Вот мы тут пытаемся в очередной раз понять, надо ли всех этих голубых гонять и либералов и русский мир продвигать, — начал Кочергин. — Что скажешь?

— Вы меня в это не втягивайте. Мне жена говорит, чтобы я молчал, а то посадят. Как библиотекарьшу, —

встрепенулся Петрович. — Пойду я, ей богу, — встал, пожал им руки и ушел.

— Видал? — спросил Кочергин. — Видал, — ответил Рудольф Валентинович. — Скользкий тип. — Нет, подкаблучник просто.

Эпизод шестой

Вернулся Витек.

— Петрович не заходил?

— Заходил и сразу ушел, — ответил Кочергин.

— К жене пошел, — сухо добавил Рудольф Валентинович. — Не выдержал правды жизни.

— Да ладно тебе, какой правды! Он не хочет втягиваться в пустопорожнюю болтовню, и я его понимаю. Мы тут такие модельные рабочие.

— Какие рабочие мы? — не понял Витек Кочергина.

— Модельные — как в кино, нежизнеподобные мы. Ненастоящие. Говорим не матом и длинными предложениями без междометий.

— А, — кивнул Витек.

— Не слушай его, — сказал Рудольф Валентинович, — он сам не свой сегодня. Давайте выпьем, может, полегче нам всем будет

Налили. Выпили. Помолчали. Налили. Выпили. Помолчали.

— Вроде полегчало. Так что, Рудольф, что дальше? — спрашивал Кочергин. Тот не ответил, задумчиво глядя в себя.

Витек достал телефон и начал писать своей принцессе. Кочергин не отставал от Рудольфа. Спросил опять. Рудольф Валентинович вздохнул и сказал:

— Все будет как начальство решит. Оно от бога, и ничего ты с этим не сделаешь. Ты же помнишь, так было при советах, так и сейчас. Ничего не меняется. А нам-то что, больше всех надо?

Кочергин, было видно, не согласен, но спорить не хотел. Витек ушел в раздевалку. Решил помыться перед предполагаемым вечером.

Эпизод седьмой

— Ну все-таки, Рудольф, если без трескучих фраз, как ты мыслишь про будущее? — Кочергин разлил им остатки. Выпили.

— Я думаю, мил человек, что будущее наше светло и прекрасно. Нас боятся. Нас слушают. И без нас нет будущего.

— Без кого без нас? — напрягся Кочергин.

— Без народа. Мы заставляем власть делать то, что должно, нашим сопением и молчаливым гулом. Она не может без ощущения нас. Нашей воли. Вот так я думаю, — сказал Рудольф.

— Ну, ты даешь, — с изумлением смотрел на него Кочергин. — Сколько тебя знаю, а вот увидел по-новому. Ты прям как те, которые по телику.

— Ты же не смотришь.

— Ну, иногда попадается, — с отвращением сказал Кочергин. — И главное — ты, Рудольф, ведь думаешь так же, как я, только твоя фанаберия не дает тебе согласиться, — Кочергин на мгновение превратился в себя прежнего, с начальственными интонациями. — Иди на [] со своей этой выжимкой конспектов.

Эпизод восьмой

Витек вышел из душа. За столом сидел только Кочергин. Рудольф Валентинович ушел. Кочергин дремал. Витек закурил. Они всё допили — Витек оглядел бутылки. Вот суки. Ему хотелось выпить.

— Кочерга, ты как? Я хочу еще за бутылкой сбегать. — Давай, — очнулся тот, — я всегда за. Только водку бери нормальную. Не сивуху. — Яволь, мой генерал, — Витек развернулся и вышел.

Кочергин, оставаясь один, сразу погружался в беспросветную тоску. Только водка и общение спасали. Пока все это у него было. И спешить ему было некуда. Он смотрел на дверь. Она открылась — и это был не Витек. Это вернулся мастер Петрович. Он шумно дышал.

— Ты чего, Петрович? Случилось чего?

— Да нет, — переводя дух, ответил Петрович. — Директор меня выдернул с вопросом, будет ли на завтра дополнительный автобус, как договаривались. Пятница, будь она неладна. Вечером надо ставить. А я не помню, доделал Витек 25-й или нет. Вот пришел посмотреть.

— Какой ты ответственный, — удивился Кочергин. — Не замечал за тобой.

— А где Витек? Не ушел еще? — спросил Петрович. — Нет, он пошел в магазин. — Не хватило, что ли? — Ну, типа того. — Придет — пусть ко мне идет. — Скажу, — и Кочергин снова уставился на дверь.

Минут через пятнадцать появился Витек.

— Тебя Петрович ищет, — встретил его Кочергин. — Автобус, боится, ты не сделал. — А я сделал, — отозвался Витек. — Сделал я. — Вот ты ему и скажи, что сделал.

Эпизод девятый

С автобусом все оказалось в порядке. Петрович повеселел и не отказался выпить. Налили и выпили.

— Вот [REDACTED] же с этим единением, — сказал Кочергин. — Ну скажи, Петрович.

— Нет, порядок должен быть, — ответил Петрович. — Они решают — мы делаем. И заметь, они всегда решают правильно. Мы побеждали всегда, победим и теперь.

— Вот, — удовлетворенно сказал Витек, — а ты, Кочерга, сомневался в народе. Петрович дело говорит.

— Ну, конечно, кто еще может, кроме Петровича, дело говорить, — Кочергин махнул на них рукой.

— Ладно, не расстраивайся, — сказал Петрович. — Наливай, и я побежал, мы сериал смотрим. Моя ждет, не смотрит без меня.

— Везет, — сказал Витек. Его принцесса ему так и не ответила. [REDACTED].

Выпили. Петрович ушел.

Эпизод десятый

Они стояли на улице и смотрели на звезды.

— Ты молодой еще, Витек, и кругов мало наматал, тебя еще не бьет в темя повтор одного и того же. А я насмотрелся, — Кочергин задрал голову. — Я таким же был наивным, потом время прошло в сплошной работе. Вдруг оглянулся — а позади только труха и гниль, тоска и непотребство. Работаем на горшок. Поработал, еду купил, поел, поспал, пошел работать, чтобы опять поесть. Вот настоящий круг жизни, Витек. И ты когда-нибудь оглянешься и поймешь, что только водка может отделить работу от вида действительности, да и то ненадолго. Похмелье оставляет гной и шелуху в душе. Поэтому человек не выдерживает и снова пьет. Кругом воровство и [REDACTED], вранье беспросветное. Ты же уже это понял.

— А как же Путин? — вдруг поднял голову Витек. — Он-то борется.

Кочергин посмотрел на него, развернув лицом к фонарю:

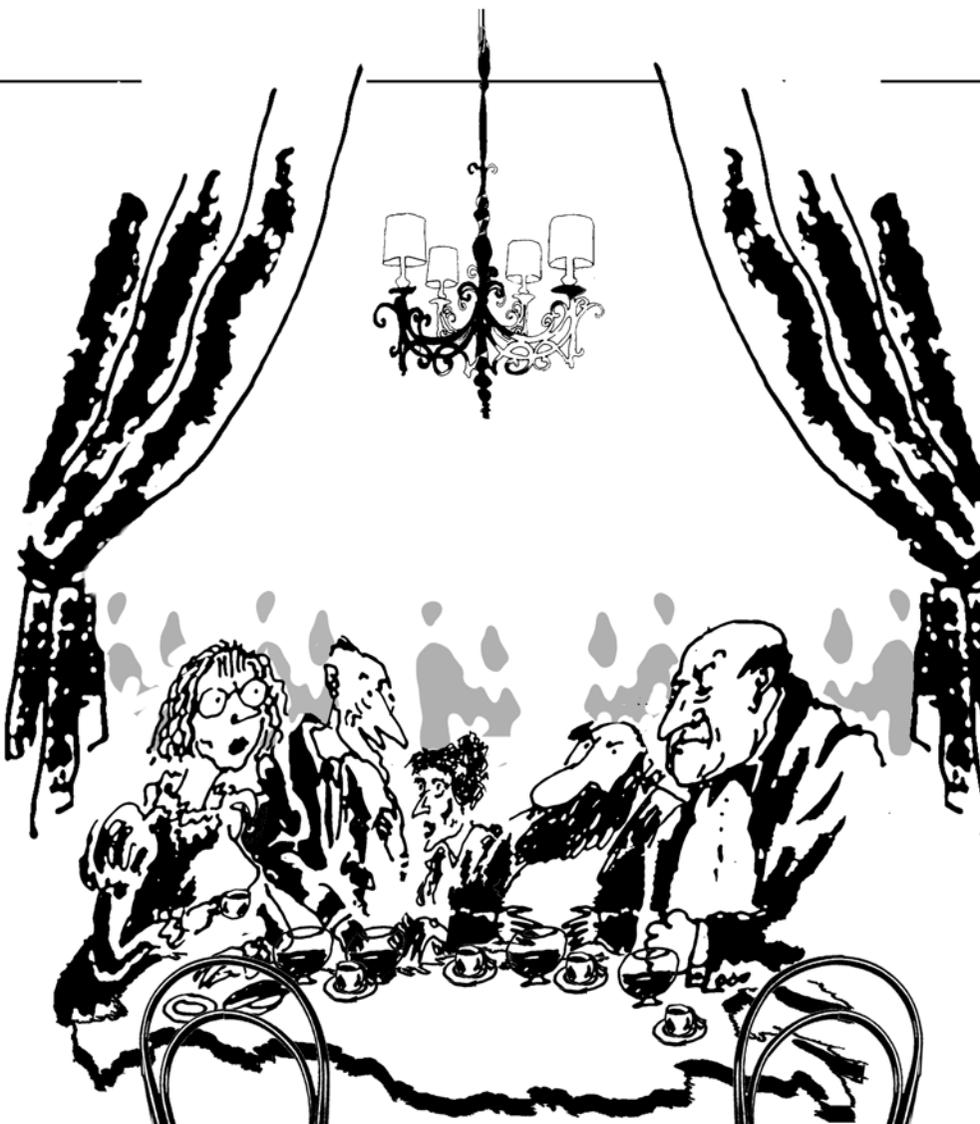
— Путина не трожь — это святой, и не нам о нем говорить.

— Значит, нам повезло? — спросил Витек. — Можно и так сказать, — ответил Кочергин. — Пошли ко мне, — предложил Витек, — у меня нет никого, тебе ведь некуда идти. — Ну, я нашел бы, — привычно соврал Кочергин. — Но к тебе — с удовольствием.

Они обнялись и так и двигались в обнимку. Они были счастливы.

Central

Эпизод первый

Central был, как всегда, полон туристов. Место светлое. Как, впрочем, и сто лет назад. Вена толерантна и всядна. Поэтому здесь и ОПЕК, и любая оппозиция любым режимам. Вена — Швейцария смыслов. Вот и теперь — снова и опять. Русские в Вене и в оппозиции. А кафе Central — символ. Впрочем, уже и непонятно, чего. Возможно, ощущения возможного. Мечта о власти. У них получилось. Чем мы хуже. Ну, как-то так примерно.

Было 11, и Крюков опаздывал. Он должен был приехать из Берлина. А Гризодубова ела уже второй эклер. Она любила эклеры. Этот Крюков — тот еще паразит, думала она. В России они не любили друг друга. А теперь приходится общаться. Но это лучше, чем общаться со всевозможными засланными казачками системы. Впрочем, ухмыльнулась она, кто из нас не казачок? Как потереть. Но Крюков — точно нет. Бэкграунд не тот. Годы в изоляции, годы безрезультатной мести. Своеобразный взгляд на происходящие процессы от этого — ну, тут ничего не поделаешь. Но зато искренний. Может, денег на журнал даст.

Эпизод второй

Крюков наконец явился, спас ее от третьего эклера, боялась не совладать. С собой. Он был скуп в сло-

вах и движениях. Приволок с собой ответственного за пропаганду и агитацию журналиста Спирина. Тот был гибок телом и легок в словах. Своих настроений не имел. Для рода своих занятий считал это отягощением. Зато знал много книг и еще больше людей. Практически все журналисты, уехавшие на Запад, теперь контактировали с ним.

Они уселись. Заказали кофе. Подумали — и заказали коньяк. Гризодубова, впрочем, отказалась.

— Ну,— спросила она Крюкова,— как живы-здоровы? Какие планы?

— Это у вас в Америке планы,— ответил Крюков,— а мы все в борьбе. У нас каждый день скандалы. Не можем поделить, кто будет кем, когда надо будет невесть откуда взявшуюся власть делить.

Спирин заржал:

— Ну да, кто правит — главный вопрос.

Крюков снял пиджак:

— Вы позволите?

Она махнула рукой:

— Вы же уже, чего теперь позволять — не позволять.

Вы мне лучше скажите, как вы будете объединяться или размежевываться.

Дух Ленина метался по кафе.

Эпизод третий

— Мы еще кого-то ждем? — спросила она, вернувшись из дамской комнаты.

— Да, мы ждем неистовую Веру и этого клоуна — Ширинкина, — ответил Крюков. Хочу послушать их рассказ про организацию пропаганды среди россиян. Это старая ахиллесова пята русской оппозиции — связь с территорией. Всегда отдельно, всегда сами по себе даже в России, не говоря уже как теперь. Они раскачивают нас, вместо того чтобы раскачивать там. Грузят и грузят вместе с этими чертовыми двустволками. Ну, ты знаешь их: один — твой друг кудрявый и всеобщая гламурная подруга.

Гризодубова нахмурилась.

— Иди в жопу, они совсем не мои, как и ты и прочие,— она махнула рукой в зал.

Стоял шум и гам.

— А вот пишут: рядом,— сказал Спирин, глядя в телефон.— Пойду встречу.

Он ушел в своих брючках и коротеньком пиджачке — прям как сто лет назад.

Эпизод четвертый

Ширинкин с огромной бородой и пузом был прям как купчина или русский писатель, а Вера была миниатюрная и неизящная. Бывает, знаете ли, так: маленькое, но всё немного не так. Непомерно или неравномерно. В целом нелепо, хотя и мило. Все шумно обнимались, даже Гризодубова. Расселись. Помолчали.

Вера начала рассказывать про последние информационные удары по режиму, Ширинкин кивал, Спирин щурился, а Крюков отстраненно блестел очками.

— Вот как-то вы все без сердца это делаете. Вы слишком холодны для революции,— вдруг перебила ее Гризодубова.— Прям Ленин с Троцким, но не Сталин, конечно.

Спирин посмотрел на Крюкова. Он знал, что тому не нравится холодность. Он много страдал и теперь предпочитал людей равнодушных, пусть неумелых, ошибающихся, но искренних. Но не упертых в хорошем смысле. Теперь же Крюков продолжал молчать, и Ширинкин, обращаясь к Гризодубовой, сказал:

— Ну ладно вам, Софья Павловна, на пустом месте. Верочка так старалась, мы все старались. Знаете, какой отклик в России.

— Знаем,— встрепенулся вдруг Крюков.— Никакого!

Эпизод пятый

— Окей, я уйду сейчас, это невыносимо, я столько сил положила на все это, а вы! — Вера наигранно ло-

мала руки. — Но перед уходом скажу. Это вы и ваши жирные коты съели все наследие советских людей и продолжаете есть. А они живут, как жили. Ленин в мавзолее, и за компартию можно голосовать. Вы заигрываете со всеми подряд, желая занять лучшую стартовую позицию, когда начнется забег. Навыдавали векселей. И теперь сидите такие. А я, а мы пытаемся расчистить людям мозги и дать им шанс принять решение, может, первый раз самостоятельное.

— Это вы-то! — Гризадубова задыхнулась, Спири́н захихикал, Ши́ринкин ткнул его в бок.

— Ну-ка тихо там, потасовки только не хватало на глазах, — холодно сказал Крюков. Все успокоились.

Вокруг шумели посетители, бегали официанты, а за столом оппозиции было тихо. Помолчали. Потом Крюков попросил официанта посчитать. А потом Спири́н предложил вечером пойти в оперу. Давали «Тоску». Он обещал билеты: старый друг был в билетной мафии.

— Встретимся перед главным входом за полчаса. Или хотите — в «Захере» за час до начала. Пирожное и шампанское.

Все расслабились, заулыбались и согласились.

Эпизод шестой

Вечер. Отель «Захер». Одетые в оперу мужчины и женщины пили шампанское, мимо шли люди, подъезжали машины. Вечерняя венская жизнь только начиналась.

Спири́н не подвел. Были и билеты, и шампанское. Настроение компании улучшилось, хотя и напускная суровость не отпускала некоторых ни на минуту.

— Так что — вы продолжаете сотрудничать со всеми? — спросила Вера, сверкая глазами.

— Да, продолжаю, — ответил Крюков. — Я пытаюсь не допустить дрызг внутри, а вы мне мешаете. Вы пытаетесь доказать, что есть чистые и нечистые. Я же считаю, что чистых нет и полезны все, кто — неважно, из каких соображений — готов работать против режима. Или хотя бы помогать.

— Да вы еще хуже, чем я думала, — фыркнула Вера и встала.

— Пойдемте в зал, — примирительно сказал Спири́н. — Пойдемте. Атмосфера все исправит. «Тоска», как говорится, не тоска.

Боже, какой же Спири́н пошлый, подумала Гризодубова, вставая. Хотя где бы ты была со своими эклерами, если бы не он.

— Пошли-пошли, — вслух произнесла она.

Эпизод седьмой

Ши́ринкин не смотрел на сцену. Он, честно говоря, терпеть не мог оперу. Он был не в силах разобрать слова, а слащавые сюжеты претили его простой душе. Он хотел подвигов и славы, но чтобы их совершал кто-то другой, а он являлся весь в полосах софитов и получал лавры. Такой мир был для него. И он старался всюю.

Сейчас его мысль напряженно вертелась вокруг главной текущей задачи: как не потерять проекты Верочки и быть полезным Крюкову. И, что еще важнее, — как занять место Спирина. Как его скомпрометировать так, чтобы от него отказался Крюков и кто-то порекомендовал Ши́ринкина.

Ну, допустим, Гризодубова могла бы порекомендовать. Крюков ее любит. Но как сдвинуть Спирина? Он осторожный и не раз битый прохвост. Пряма проблема проблем. Ладно, пока можно поплотнее дружить с Гризодубовой, а там война план покажет. Надо, чтобы у нее появились сомнения в прочности ее положения. Это неплохой дебют. И Верочка его беспокоит. Она действительно превратилась в неистовую Веру, и с ней становилось все трудней, он ее боялся. Она лишала его влияния, она была фанатичкой и, как всякий фанат, легко распознавала не своих. Он был на грани.

Эпизод восьмой

Они все меня считают сумасшедшей самолюбивой дурой, рвущейся к власти, думала Вера о себе и о сущ-

ности своих усилий, слушая прекрасное бельканто немолодой уже певицы. Они не понимают, ведь я хочу очистить авгиевы конюшни, чтобы они потом могли спокойно начать строить что-то прекрасное наконец. Другой вопрос, конечно, справедлив: ломать не строить. Созидание — процесс незнакомый для всей этой шоблы. Так же начнут всё таскать. Но уж с этим-то я справлюсь. Нам бы рычаги. Побольше. И побыстрее. Жизнь проходит, как вот у этой: «Почти прошла», поет она, а думает, как внукам ипотеку заплатить или сына с иглы снять. У всех земные проблемы.

Еще эти туфли — зачем я их надела, ведь знала, что жмут. Да ладно, к черту всю эту белиберду. Надо как-то Крюкова унять, Ширинкина я смогла же. Хотя с Крюковым, конечно, проблема посложнее. Да когда же антракт, в конце концов!

Эпизод девятый

Крюков оперы не понимал, но любил. Театры, кулисы, блеск, публика. Это он просто казался таким нелюдимым отшельником, а на самом деле любил все это, и пирожные тоже любил. Он смотрел на сцену и думал: как надоела эта игра в системность, в визуальность присутствия в повестке, в создание нарратива. Все это было чуждо ему. Он любил простор и волю, его еще в советское время ████████ эти посиделки с коллегами — пьянки Бари и разврат. Сплошная погань, глупость и жадная тупость вокруг. Ему надо было как-то однозначно авторизоваться, вернуть допотопный — его допотопный — период. Быть преемником. Общепринятым. Сформировать правительство в изгнании и работать. Работать, а не вот это всё. Фиглярство, фарисейство, лживые пустые разговоры, нелепые позы. Улыбки невпопад. Как это все осточертело. Его неожиданной проблемой стала Вера — неистовая, страстная. Все думали, что она — проблема для его власти, но дело обстояло много хуже: он влюбился. Влюбился — и теперь, как зайчик, прижимал уши, когда видел ее даже в твиттере. Это

его бесило, потому что он не знал, что с этим делать. Его тянуло к ней. Но что дальше, он не знал.

Эпизод десятый

Гризодубова видела «Тоску» десятки раз. Это все, что она про это могла сказать. Еще она понимала, что у банды проблема. Банда не была бандой — не было химии. А она любила, когда химия. Она была неумной, но она была опытной. Конфигурация требовала уточнения, и это ее пугало. Она не понимала, сколько продержится Спирин и что будет с ней, когда его сменят. Вроде Крюков ее нормально воспринимал, но бог знает, что ему наговорит сменщик Спирина. Отставит сразу.

Что делать? Если бы распознать заговор и примкнуть. Или совершить подвиг. Поехать в Россию? А вдруг посадят? Так мгновенно превратишься из спекулянта в инвестора с неизвестным сроком ожидания. Еще эта Вера. Ну ████████ реально. Лишает уверенности. Гризодубова боялась ее. За каким хреном я надела эти кринолины? Все натерто, я ни во что не помещаюсь. Черт бы их побрал с этой Верой и с этим никчемным стремлением быть европейцами. Ах, какие мы светские. Тьфу. Слава богу, кончилось.

Эпизод одиннадцатый

На выходе в фойе их поджидал Спирин. Интересовался, как понравилось. Все рассеянно кивали и что-то бормотали. Всем хотелось побыстрее расстаться. Попрощались. Постояли. Договорились встретиться утром. Серьезно поговорить.

Крюков сказал, что заказал переговорную. Опять помолчали. Покивали и разошлись. До завтра.

КЛИНИКА

Эпизод первый

Виолетта их всех ненавидела. Своих клиентов. Они были богатые и никому не нужные, хотя не знали об этом. Она, напротив, была нужна всем.

Она была лучшим в городе мастером по борьбе с гравитацией. Ну, вы знаете — ткани тела устают бороться с силами притяжения и чем дальше, тем сильнее тянутся к земле. А она их различными способами натягивает обратно. На морды своих прихожанок. Иногда просто руками. А иногда с помощью дорогих аппаратов и препаратов, которыми забита клиника.

Почему ненавидела? Платили ей хорошо, даже очень, но как-то без уважения. Она постоянно чувствовала, что она просто обслуга, как кухарка или уборщица. Сама же чувствовала себя художником.

Но и это все неважно. Важно, что, наслушавшись за день разговоров этих убогих, она не могла соскрести со своей души помой и глупости. Эту никчемность. Она пробовала брать меньше работы, приходиться через день, но это тоже не помогало и раздражало владельцев. В общем, деваться было не куда.

Она пробовала переходить из одного места в другое. Пробовала работать индивидуально. Одна и та же история в конце концов получалась.

Эпизод второй

Клиентка почти не опоздала. Жена крупного застройщика, сама тоже участвовала в бизнесе, продавала картины. Держала галерею. Под шестьдесят со всеми вытекающими.

Жанна Михайловна хотела быть моложе, как все они. Не просто следящей за собой дамой. А радикально моложе. Поэтому она была в их клинике каждый день. Она ходила к ним как на работу.

— Здравствуй, Виолетта, я сегодня не опоздала.

Она стояла у стойки ресепшена и улыбалась. Брючный костюм, ну и все остальное, включая сумку от Диора.

— Здравствуйте Жанна Михайловна! Проходите, пожалуйста, у меня все готово, — сказала Виолетта, улыбаясь в ответ. — Какая вы сегодня свежая и деловая, — добавила она. — Стараемся, — сказала ей дама в спину, проходя в кабинет.

Эпизод третий

Виолетта делала массаж лица, но не простой, а особый, который умела только она. Ну, или почти только она.

Прелесть сегодняшней процедуры был в том, что клиент не мог говорить, или почти не мог. И она могла говорить сама с собой. И она говорила. Внутренние монологи не спасали, но, по крайней мере, отвлекали ее и немного разводили поуже крепость окружающего мира, который, как ей казалось, смыкался вокруг все плотнее.

— Вы сегодня во сколько заканчиваете, Виолетта? — спросила Жанна Михайловна, когда Виолетта рассматривала результаты полуторачасового труда.

— Сегодня совсем поздно.

— А когда вы посвободнее. Я хотела бы вас пригласить на обед.

Виолетта удивилась, но постаралась скрыть, хотя такое случалось иногда между клиентами и мастерами, но от этой она не ожидала. Всегда такая от-

страненная и холодная Жанна Михайловна гордо и высоко несла себя по жизни.

— Я не знаю, — сказала Виолетта, — надолго мне, наверное, будет сложно. Может быть, в конце недели, тогда если прямо обед.

— Хорошо, — легко согласилась Жанна Михайловна, — я позвоню вам в четверг и договоримся, идет?

— Да, вполне, — ответила Виолетта, провожая клиентку в холл и передавая в руки ассистента. У Жанны Михайловны на сегодня была большая программа.

Эпизод четвертый

В конце дня ее вызвал директор. Пытался увеличить ее часы работы в клинике. Говорил, что клиенты обижаются, не попадая к ней, месяцами ждут. Все они — уважаемые люди.

Ну и уважайте их. Она была непреклонна. С чего она должна убиваться ради них. Ей всего хватает. И она не хочет сходить с ума, пуская потоп мутной воды себе в душу.

Она пыталась спасти себя, но объяснять директору она ничего не стала, разумеется. Он был раздосадован и настаивал на продолжении разговора в ближайшие дни.

— Тема не закрыта, Виолетта Аркадьевна, — сказал он. Она пожала плечами.

— Я могу идти? А то в меня скоро клиент, не успею подготовиться.

Он молча кивнул, она вышла из кабинета.

Что она себе позволяет, подумал он. Директор не любил нерешенных дел и был раздосадован. Какая-то она странная, подумал он. Позвал секретаршу.

— Света, ты ничего такого за Виолеттой не замечала, что говорят о ней? — спросил он раздраженно.

Света была пухлая или, раньше бы сказали, дебелая. Но добрая. Она всех любила. Виолетточка — прелесть, сказала она. К ней народ ломится. Да и мы все к ней хотим, деньги копим, она засмеялась.

— Неужели уйти хочет? — в страхе спросила она. — Этого нельзя допускать. Она хорошая, — уже почти всхлипнула женщина.

— Ладно, иди, — сказал директор.

Эпизод пятый

На ресепшене стояло несколько дам. Одни с процедур, другие на процедуры. Суетились ассистентки. График сбился и теперь надо было забивать возникшие паузы. Усаживали в кресла, разносили напитки.

— Ну как ты? — спросила одна другую.

— Что тут на ходу расскажешь, как-то живем, хлеб, как говорится, жуем, — ответила та.

— Да, я тоже с трудом, — кивнула вопрошавшая. — Несколько раз уже дозы транквилизаторов повышала и вроде все ничего, но одновременно бухать-то нельзя.

— Вот именно, — согласилась вторая. Она была совсем взрослая, очень ухоженная и очень нервная.

— Как твои дети? — спросила первая, слегка мо-
ложе и весьма спокойная, похоже, шампанское дей-
ствовало. Она пила уже третий бокал. Тут не ограни-
чивали. Пастозность помогала улучшать результаты
процедур.

— Да как, бегаю по военкомам, как. И то непонят-
но, чем кончится — одни боятся, другие уже вдруг
и сидят. Бизнес тоже требует усилий. А откуда взять
усилия?

— Да, подруга, усилия брать почти неоткуда.
Ни мотивации, ни желаний, ни страсти.

— Вот-вот.

— Светлана Петровна, вы можете проходить, =
сказала ассистентка той, которая была постарше. Вто-
рая осталась со своим шампанским, а первая пошла
навстречу косметике сосудов и умасливанью тела.
Надо же как-то думать немного о себе.

Эпизод шестой

Ходили в клинику и мужики. Это отдельная песня.
Что было у них в голове, вообще не понятно. Они

были все на каком-то своем драйве и больше теток
хотели быть моложе. Даже сорокалетние. Кому-то,
правда, полагалось в рамках корпоративной куль-
туры, остальным казалось, что они должны тратить
деньги и время на себя, и косметология стояла тут
в одном ряду с качалками и рыбалкой.

Они все чувствовали себя либо бонвиванами и го-
нялись за стаффом, либо были вялые и тихие. Отдыха-
ли в тишине и неге. Последние были основой доходов.
Непривередливые и спокойные. Платили безропотно
и много. Легко соглашались на экспериментальные
процедуры. Прямо как испытатели.

Их все в клинике любили. Даже Виолетта. Это было
странно. Но тем не менее.

Эпизод седьмой

Виолетта ждала мать, та должна была приехать в гости
из своей или их прошлой совместной Кандалакши.
Они плохо понимали друг друга давно, а теперь и со-
всем перестали.

Мать полностью ушла в телевизор и была про-
шита и обмотана каналами, как матрос Железняк
пулеметными лентами. Она и говорила так. Отры-
висто и веско. Ну, как в том нетленном «Так-так-
так» — говорит пулеметчик, «Так-так-так» — говорит
пулемет.

Виолетте это все было так неблизко, как и сама
эта детская ее Кандалакша. Когда она приехала туда
к матери после института, поняла, что бесповоротно
отвыкла от барачков, шпал и соседей. Мама этого всего
не замечала. И в этом было ее счастье и несчастье
Виолетты.

Она побыла тогда в Кандалакше недолго. Спросила,
где брат. Мать сказала, а то ты не знаешь — в армии.

Она уехала и больше не возвращалась. Они пере-
званивались и переписывались. И вот теперь мать
настояла приехать. Она откладывала, как могла, но...
Но день настал.

Эпизод восьмой

Они сидели в фиолеттиной квартире на Новослободской. Сидели и молчали. Они были практически незнакомы теперь, их разделяла интерпретация правды и веры. Их разделяли иллюзии. И надежды. Они могли бы быть общие, но, увы, они были очень разные.

Через несколько часов выяснилось, что фиолеттин брат погиб. Мать узнала через год, а Фиолетта час назад.

Фиолетта встрепелулась, засуетилась и нашла бутылку вина, не могла вспомнить, откуда она взялась. Выпили. Надо ж помянуть. Поплакали. И вроде как стали ближе. Повспоминали общее их с братом детство и опять выпили и стали снова совсем как родные, а потом мать сказала, ну что делать, главное, что не зря. Она еще не договорила, а Фиолетте показалась, что она мгновенно стала далека как Луна и так же холодна.

Ну что ты молчишь, спросила мать. Фиолетта не знала, что сказать, она никогда не знала, о чем говорить со случайно встреченными незнакомыми людьми. И она молчала. Понятно, сказала мать. Давай спать ложиться. И они легли спать.

Эпизод девятый

Они обедали с Жанной Михайловной. Прошло много времени, она проводила мать. Она пыталась объяснить себе, почему не хочет ехать на похороны. Обещали тело доставить в Кандалакшу. Скоро. Ну, год не доставляли, теперь-то чего торопиться.

— У меня брат погиб,— сказала она после десерта.

— Беда какая,— откликнулась Жанна Михайловна, и положила свою руку на руку Фиолетты.— Я могу чем-то помочь, может быть? Организовать что-нибудь или деньги нужны?

— Да нет, ничего не надо, спасибо,— ответила Фиолетта.— Тело год не могли опознать. Так что теперь нужды особой ни в чем нет. Мать привыкла, а я, кажется, сама умерла.

— Ну что ты, девочка,— всплеснула руками Жанна Михайловна.— Так нельзя. Надо жить.

— Да я как бы понимаю, что надо, но не понимаю как, а главное зачем.

Эпизод десятый

— Ну как же,— продолжала Жанна Михайловна. Она расплатилась, и они вышли на улицу.

— Надо жить, потому что это лучше, чем не жить.

— Это правда, спасибо. Я просто как-то развалилась совсем. Вы извините меня, я пойду.

Потом задумалась.

— А зачем вы меня пригласили, вам что то нужно?

— Да я хотела поговорить, но теперь понимаю, давай в другой раз.

— Да нет, все нормально. Мне надо переключиться. Что вы хотели?

— Поехали тогда я вас подвезу и поговорим, если вы готовы.

— Да, пожалуйста. Это очень кстати. В клинику тогда меня завезите.

Они поехали. Жанна Михайловна начала говорить. Она хотела открыть клинику и хотела Фиолетту. Чтобы она все там сделала. Деньги Жанны, а руки Фиолетты. Такая банальная история.

Пока она рассуждала о планах, они приехали.

— Спасибо,— сказала Фиолетта,— за обед, за доставку и за предложение — я подумаю. Завтра если я правильно помню, вы у меня на массаже — увидимся.

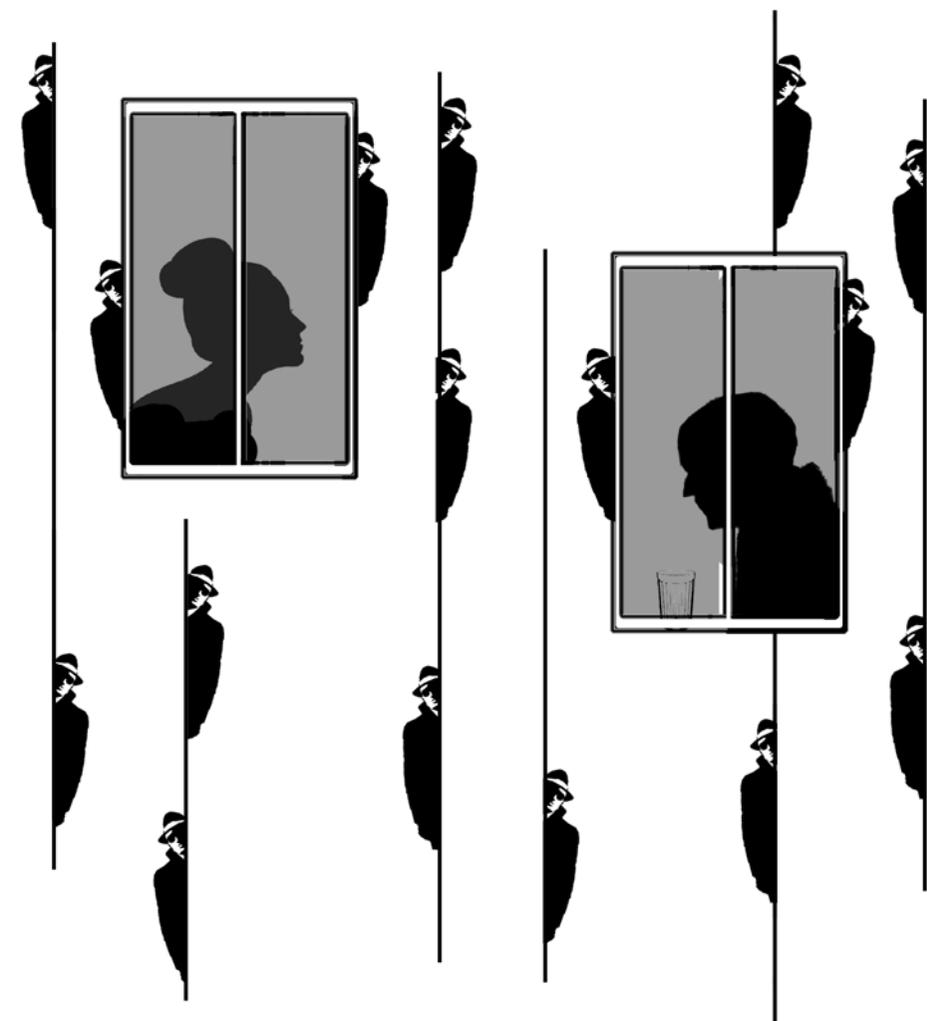
Жанна Михайловна, соглашаясь, кивнула.

— И вам, Фиолетта, спасибо, что согласились меня выслушать. Приятного дня.

Она уехала, а Фиолетта осталась. И мама уехала, а Фиолетта осталась. И брат ушел, а Фиолетта осталась. С этим рефреном «осталась осталась осталась» Фиолетта открыла дверь своей клиники.

МАТИЛЬДА И ОТЕЦ

Эпизод первый

Он все время оглядывался. Нервный тик. Заработанный путем рассуждений о себе самом с самим собой. Ему казалось, он кому то нужен. Но это была иллюзия. Он не был нужен никому. Кроме дочери.

Она и придумала эту игру, когда поняла, что лучше она сведет его с ума, чем он сделает это сам. В первом случае она знала, где ключи, во втором ей было бы значительно тяжелее. Управляемый хаос лучше неуправляемого, хотя это тоже иллюзия. Она, используя куски его прошлой биографии и нынешнюю ситуацию в стране и мире, создала ему его мир, где он был в безопасности, а она могла тратить на него не слишком много времени.

Она была чиновником высокого уровня. Ей нравилась ее жизнь, и она не хотела, чтобы ее мир был чем-то обременен. Поэтому тоже она придумала ему свой.

Она была обязана ему многим, но теперь он требовал слишком много сил от нее. Угрожал ее миру, в котором ей было уютно. Она спасала и его, и свой мир. Такая вот двойная цель была у всего этого.

Эпизод второй

Он спал. Ему снилось, как он ест устриц на пляже. Вернее, рядом с пляжем. На берегу. В каком-то ресторане. Смутно знакомом. Наверное, Испания.

Приходит сообщение. У него встреча. Он выходит. Какой-то человек идет за ним. Он не может оторваться. Бежит, петляет.

Тут он всегда просыпался. Один и тот же сон. Фабула — одна. Детали были разные, их было много. Многообразие до однообразия. Действия похожи, как фильмы про шпионов. Стертые лица, сюжеты и фразы. Все узнаваемо. Все.

Он сидел в кровати и курил. Она запрещала. Он, похоже, курил нарочно. Ведь никогда особенно не любил курить.

Встал, попил воды. Было уже утро и можно было уже не ложиться. Ночи — это кошмар. Для него. Ночью невозможно. Он терпел до утра. Днем было легче.

Он считал, что она играет с ним, хочет свести его с ума. Его собственная дочь. Он не верил, но считал, что это так и есть.

Матильда (ее мамаша назвала ее так ему на зло — как и всё, что она с ним сделала) была ему очень нужна, она была единственным проводником в сегодняшней мир, который пугал за окном.

Он оделся и пошел пить кофе. Он делал это каждое утро. В обычное кафе. Его там знали, это было удобно, упрощало коммуникацию с миром. Не надо было тратить силы и придумывать, как современно соответствовать этим правнукам его мира. Который ушел и оставил их взамен. Прислал из каких-то неведомых параллельных миров. Они с трудом уживались, не признавая друг друга, просто мирясь. День начался.

Эпизод третий

Он всю жизнь протрудился. Чиновник на незаметных должностях и уже только годам к 50 доехал до дирек-

тора департамента в министерстве. Министерство занималось наукой и образованием.

И все бы ничего. Но однажды вечером его избили хулиганы. Он ехал с работы. Никого не трогал. Стечение неведомых обстоятельств. Игра случайностей. Долго лечился. Ну и досиживал на своем месте сначала, потом его понизили до зама. Он много бывал на больничном. Так и не оправился.

И вот теперь он пенсионер. Сходящий с ума или сводимый сума. Или эти процессы идут вместе, а, может, ему все это кажется.

Эпизод четвертый

Когда с отцом случилось несчастье, Матильда была студенткой. Переживала. В том числе и за себя.

Она рассчитывала на поддержку в начале своего самостоятельного пути после окончания вуза. В принципе, все обошлось, она справилась, и теперь была заметным функционером. Дошла до всего сама. Хотя преемственность в биографии присутствовала и это на первых порах помогало, а потом была поводом для каких-то теплых воспоминаний и инструментом растопить лед новых знакомств по службе.

Эти воспоминания и превратились со временем в легенду. Она как-то сказала отцу, что, считается, он тогда потерял какие-то документы. И поэтому тем, кто занимался расследованием, нападение кажется не случайным. И что расследование до сих пор не раскрыто.

Потом она придумала некоего ученого, который теперь стал известным. А тогда совершал свои открытия и разрабатывал востребованные теперь технологии. И что уже тогда им интересовалась разведка. И именно с ним связанные документы пропали.

Отец ничего такого не помнил. Но с годами стал вовлекаться. Это стало поначалу их игрой, а потом и жизнью. Его жизнью.

Эта игра наполняла его существование смыслом, а его самого делало актуальным и современным. Адреналин бил, расправлял плечи. Впрочем, может, это были какие-то другие ингредиенты. Или гормоны.

Эпизод пятый

Она придумала — дальше история развивалась самостоятельно. Она периодически подбрасывала работу блогерам. Они потихоньку двигали историю. Ему приходили какие-то запросы, предложения дать интервью, под окнами иногда стояли какие-то личности, он убеждался, что за ним следят и знают о его жизни все.

Она говорила — это пустяки, плод его воображения. Но, тем не менее, несколько раз просила его рассказать снова и снова о том человеке и как все случилось. И настаивала, чтобы он был осторожнее в переписке. Времена тревожные, говорила она. Она переживала, это добавляло их игре искренности.

Он начал бояться, а с другой стороны — гордиться. Она организовала переписку. И тот великий теперь ученый ответил ему, вспомнил его и благодарил за помощь в те далекие годы.

Он стал опасаться, что теперь разведчики будут использовать их отношения. Он спросил Матильду, что ему делать. Она обещала посоветоваться кое с кем, как она сказала, и просила не терять бдительности.

Так прошло еще пару лет.

Эпизод шестой

Однажды ему позвонили. Человек говорил, что у них есть общая знакомая — Матильда. Он оставил свои координаты. Сказал, что когда ему будет удобно, пусть он ему напишет или позвонит — им необходимо встретиться. Он пробудет здесь еще пару недель. Отпуск.

Он бросился звонить дочери, та сказала, что да, на нее вышли соответствующие люди, сказали, что существует необходимость использовать его для

продвижения некоего материала. Все под контролем и опасаться нечего.

Он понял, что кольцо вокруг сжимается, так же как сейчас его сердце.

Я боюсь, сказал он. Не бойся, если что не так, поправим. Позвони после встречи, ответила Матильда. Хорошо, сказал он, и она отключилась.

Эпизод седьмой

Они встретились в его кафе. Пришедший был мил и обаятелен. Сказал, что у него прекрасная дочь. И она — влиятельный человек. И он наверняка ей гордится.

Он отвечал, что так и есть. Он смотрел в окно, мимо шли люди. Кафе было на пешеходной улице. Жизнь текла прямо на глазах, совершалась на глазах и превращалась прямо у них под носом в прошлое. Как и их разговор. Хотя нет, их разговор превращал прошлое в настоящее.

— Может, вы напишите о том времени, о встречах, которые запомнились, людях, с которыми работали. И мы бы потом обсудили. Вам надо вернуться туда, чтобы получше вспомнить. Тогда бы мы опять поговорили. Вам сейчас трудно так сразу. Нас интересуют любые детали. И не спешите. Я буду вам позванивать, если позволите. Пишите спокойно. Время есть, — пришедший попрощался и ушел.

Он остался смотреть на настоящее и возвращаться в прошлое. Ему не хотелось.

Когда он рассказал дочери, она ответила: ведь ты всегда хотел написать мемуары. Вот тот самый случай.

Он не помнил, чтобы когда-то хотел писать мемуары, но, конечно, радостно поддакивал, потирая руки. У него появилось дело.

Эпизод восьмой

Она была довольна, ее стратегия давала плоды, она перевела игру в постоянно действующую модель реальности.

Он писал. Она читала. Они были в контакте. Она передавала его строчки дальше. Заинтересованным лицам. Те благодарили. Из вежливости. Для них это было одолжение влиятельному чиновнику. Впрочем, случай был не безынтересный — человек, вокруг которого крутилось повествование, тоже. В общем, все потихоньку втягивались, у всех появился жир на ладонях. Возможны плодотворные отчеты о проделанной работе. Благодаря этому благодарности стали искренними, а ожидание новых страниц рукописи все более нетерпеливым.

Эпизод девятый

А он все вспоминал. Люди под окном стали чаще мелькать, но появлялись не от случая к случаю, а стали постоянным атрибутом его улицы.

Его нервозность усиливалась. Он совсем перестал спать. Только писал и курил. Да и начал пить. Много.

Матильда забеспокоилась, услышав однажды заплетающийся голос. Он сказал, что простудился. Она не поверила. Неожиданно появилась, и все увидела своими глазами. Отругала и запретила. И сказала, что заинтересованные лица высоко ценят его творчество и ждут от него ответственного подхода. Вот прям так и сказала — ответственного подхода.

Он удивился и промолчал. Обещал не пить. Конечно, не стал выполнять обещанное. Да она и не рассчитывала особо. Пока все было контролируемо, она не переживала. Она вообще не особо переживала, но хотела, чтобы какие-то рамки он соблюдал. Он соблюдал. Аккуратно выкидывал посуду перед ее визитами.

Парни, похоже, не докладывали о его проказах, или их начальники не волновали Матильду. Все шло

хорошо. Весна. Жасмин. И все прочее, что сопутствует весне.

Эпизод десятый

И он вспомнил. Опять снилось то же самое. Обычное его кино. Погоня. Удалось заснуть. И потом он увидел. И понял. Его тогда избили не случайно. Он помогал уехать тому самому. Кем теперь интересуются. Он потерял память. А они его ждали. Они отобрали его портфель. Им был нужен портфель. Вот в чем дело.

И теперь они снова хотят добраться через него. До того, который.

Он все понял. У него не было никакой дочери. Это все специальная постановка. Чтобы он выдал. Значит, они так и не добрались до него, значит все дело в нем.

Не будет его воспоминаний — не будет этой ниточки. Вот как. Как же он этого не понимал. Он достал бритву. Взял бутылку виски, счастливо недопитую вчера. Открыл воду в ванной и стал ждать, когда наберется вода. Он вспомнил, и это делало его осмысленным, понятным и понятным

Эпизод одиннадцатый

Она нашла его в ванной. С переданными венами. Спокойно уснувшим в красной ванне. Как настоящий патриций, подумала она. Он показался ей красивым и молодым. Изменившимся.

Ну вот, и я схожу с ума, подумала она. Зачем он это сделал? Впрочем, он всегда был таким после того случая. Несчастливым параноиком. А теперь он вырвался. Галопом.

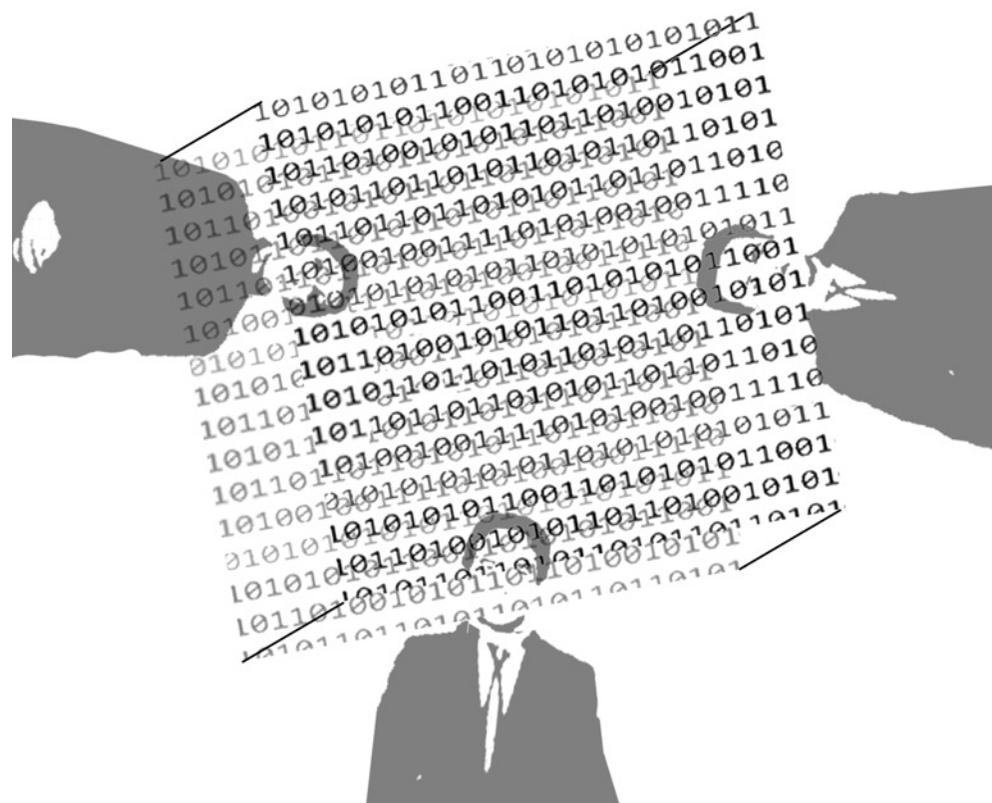
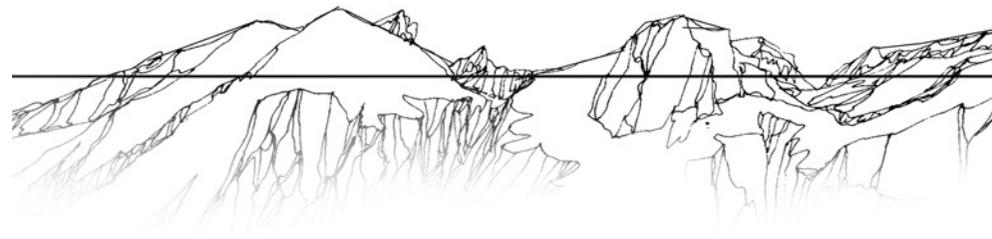
Вы не против вскрытия? Вежливо спросил местный следователь. Она посмотрела на него невидящими глазами. Повернулась, пошла в комнату, у постели лежала стопка бумаги. Записи от руки.

А вот и мемуары, подумала она. Будет что почитать ребятам. Хорошую игру я придумала, грустно сказала она. И еще она сказала: «Прости. Прости папа. Прости, что мы не доиграли».

Эпизод двенадцатая

По его сбивчивым каракулям выходило, что тогда, когда он был молодец, он все правильно делал. А тот, другой, который теперь знаменитый, он все делал, чтобы его подставить. И у него получилось. Он, потерявший память, спокойно жил, пока дочь не придумала игру, которая закончилась так печально.

Профессионалы до сих пор в недоумении, какая красивая была сыграна комбинация. Вопросов только прибавилось. Матильда теперь под подозрением. Ее тщательно, но негласно проверяют. Она не знает или не хочет знать. Но умные люди догадываются, что она делала это все не только из-за отца. И ее «прости» имело гораздо больше смысла, чем казалось.

Эпизод первый

Они сидели над обрывом. Как они сюда попали, было неизвестно. Наверное, они ходили по лесу, заблудились и оказались наверху. Горы были в лесу, и подъем был незаметным.

Они разговаривали, спорили и не заметили, как оказались тут. Рядом была какая-то ферма, где разводили коз. Козы мекали или блеяли. Они раньше не видели коз вживую. Было интересно. Хотя нет, не было.

И вот они на обрыве. Они устали. Сели. Под ними тянулась бесконечная долина, сжатая ущельем. Такое хачапури открытое. Или открытый. Какого рода хачапури?

Вот так они сидели и уже не спорили, сомлели. Дремали с открытыми глазами. Один был очень молодой, второй почти нестарый, оба молчали. Потом встали и пошли вниз. Настроение переменялось. Спорить больше не хотелось. Хотелось просто вернуться.

И они шли и шли, и вернулись.

Эпизод второй

Вот такой сон снился ему каждую ночь. Наверное, каждую. Он не каждую ночь помнил сны, но если помнил, то всегда этот. Обрыв и дорога.

Так продолжалось уже несколько лет. Без причины. По крайней мере, ему известной. Началось и продолжается. Сон этот не утомлял его, как ни странно, а каждый раз удивлял своим новым появлением и мельчайшими деталями, которые он помнил. Запах каких-то цветов, линию горизонта и колокольчики коз.

Он готовил завтрак и в очередной раз вспоминал сон. Вернее, вспоминать было не надо. Всегда перед глазами.

Он не опаздывал, но привычка — она перебарывала все, и он не сопротивлялся. Сегодня не надо было вообще ко времени, но он вышел, как всегда. И так было всегда. Всегда, всегда.

Эпизод третий

На работе, как всегда, было суетно. За это он не любил офис, а любил командировки и работу из дома.

В офисе всегда чужая жизнь, а он хотел жить свою, хотя и не осознавал этого, подсознательно сопротивляясь коллективному бессознательному. Оно затягивало его, и потом он долго выдавливал его из себя. Долгими вечерами. Иногда так и засыпал, не справившись. В такие ночи сон не снился. Он находил это закономерным — сон был его экзистенциальной проекцией. Так ему казалось. Он где-то читал об этом. И слово нравилось. От него веяло чем-то непонятным, но важным, всепоглощающим, его тянуло в ауру этого прилагательного.

Экзистенциальным можно было назвать почти все, что находилось за кромкой горизонта разума. Все образы и мистику, приходящую оттуда, из-за края света. Его света. Он не знал, как это у других. Но он жил так.

Эпизод четвертый

Он работал в маленькой конторе, которая пилила программы для больших контор. Сейчас это было

очень востребовано, особенно если быстро, особенно если надо было вчера. Бизнес — он такой.

Правд, он больше любил работать не с бизнесом, а с госконтрастами. Они не требовали быстро, им было важно найти и подписать подрядчика. Они прям как большие фонды. Главное — чтобы был портфель, который показать можно совету директоров или совету министров. В этом случае можно было работать бесконечно долго, подписывая допы. Ну, в общем, красота.

Вот и теперь он был старшим в таком контракте. Ребята у него были проверенные, все пятеро. Они работали и на себя, и на контору. Когда спали — непонятно. Но до точки перегиба — 30–35 лет — было у них еще время. И они его не щадили.

В общем, он пришел. Расположился на своем месте. Ребят не было, они почти всегда работали не из офиса. В соседних отсеках слышались голоса. Там были люди. Он внутренне усмехнулся. Последнее время ему все чаще нравилось, когда он никого не заставлял. Это прям вот очень его радовало. Ему становилось легко.

Он набрал чат группы. На связи был только один — самый младший, Джун. Они поприветствовали друг друга.

— Ну чего, как? — спросил он.

— Как всегда, шеф, выращиваем, потом обрезаем, — ответил Джун. — Всё как всегда. Только заказ последний, ребята говорят, по архитектуре необычный. Амбивалентный, говорят ребята. Вы разбирались уже?

— Нет, толком не смотрел еще, давал вам простор.

— Ну посмотрите, эта такая двойная штука может быть. Они как бы хотят своих проботить, а могут и к контрагентам заглянуть. Так ребята говорят. От моего куска этого не видно.

— Понял, — сказал он. — Погляжу. Пока. Работайте.

И отключился.

Эпизод пятый

Вот такой херни он не любил. Двойные схемы, игра неизвестно за кого. Он контракт не подписывал, что там под столом было, не знал — а оно ему надо? Не надо.

Будем работать, а там оно само как-то прояснится, решил он. Но посмотреть, конечно, надо. И открыл спецификацию заказа.

Министерство заказало некую программу для отдела кадров и службы поддержки персонала. Контроль рабочего времени, контакты, оценка поведения в соцсетях и так далее. Всё как всегда, ничего необычного. Впрочем, была там одна штучка, закладка, позволяющая работать в смежных сетях, куда может повести поток информации, посланный скомпрометированным сотрудником. В этом случае программа должна была работать как родная в чужой архитектуре.

Интересно, подумал он, нам отметили, как обычно, но такое может стоить бесконечно дороже. Кто-то из руководителей или сделал боковик для приватизации прибыли, или нас специально не посвящают — в надежде, что мы не догадаемся. А мы догадались.

Что теперь? Будем считать, что не догадались? Тоже подозрительно: значит, мы ниже своей квалификации — и тогда выводы. Или мы слишком себе на уме и будем думать, как использовать знание. В любом случае поведение начальства было неадекватным, и это настораживало. Да что там — пугало больше всего. Вот ведь подбросили подлянку. Или еще нет? Ладно, не сегодня.

Эпизод шестой

Утром позвонил босс и сказал, что заказчик хочет встретиться.

— Ты как старший на этом проекте созвонись и встретись. У них там вопросы какие-то по ходу возникли. Ты, если ответов не знаешь, просто помалкивай. Потом обсудим.

— Яволь,— сказал он. И понял вдруг, что сон сегодня не снился. Все как-то пошло не так, подумал он и поехал в офис.

Оделся соответственно. Бизнес стайл. Ботинки жали. Ноги отвыкли. Ворот рубашки тоже. Галстук давил шею. Поправился я, что ли? Ну, пришел, в общем, набрал министерство. Специального человека, который значился в контракте. Ответил вкрадчивый голос, женский: его нет. А по какому вопросу? А, я в курсе. Приезжайте.

— Сейчас удобно?

— Жду.

Он встал и поехал. Сначала пошел, а потом поехал. Не наоборот. Было, в принципе, рядом. Две остановки на метро. Правительственный квартал. Башни. Пропуска. Охрана. Лифты. Эскалаторы. Хорошо, что внизу ждал человек. Который встретил и довел куда надо. Это было так гуманно. Он сразу как-то расположился к незнакомой еще тете.

Эпизод седьмой

Тетя оказалась примерно лет двадцати пяти. Оказалось, это он — дядя. После приветствий и предложения присесть она встала и сказала, что, наверное, возникли вопросы к техзаданию, они не могли не возникнуть.

— Я готова пояснить. Распишитесь вот здесь.

Она передвинула ему листок. Он подписал. Не-разглашение.

— Дальше так: если вопросы есть, я отвечу, если нет — изложу некую концепцию и потом отвечу на вопросы.

— Если вы начнете, это будет прекрасно, — сказал он, вжимаясь в кресло. Начинать первым ему совсем не хотелось.

— Итак,— начала она,— мы вам заказали программу слежения за сотрудниками, назовем это так. Но, наверное, вы уже поняли, что программное задание шире, ибо предполагает возможность двигаться

за сотрудниками в зоны их контактов. Как говорится, шпионить — так с размахом. Мы решили задать максимальные параметры вам. Ваши боссы согласились, практически не глядя, так как мы не спорили по цене. Отсюда у меня вопрос: вы работаете по своим обычным расценкам или боссы поделились?

Он помолчал для приличия, а потом сказал:

— Я не хотел бы обсуждать этот вопрос. Это наше дело, и мы сами справимся.

— Понятно,— кивнула она.— В таком случае мы заплатим отдельно, если вы сделаете две версии продукта. Один результат мы примем официально, а другой мы купим у вас. Вот эту самую расширенную версию.

— Так вы же нам уже заплатили за расширенную.

— Ну, расширения бывают разные,— улыбнулась она.— Вы сделаете расширение только на вход, а нам все остальное отдельно и неофициально. Тот вариант мы поставим на баланс, а вторым будем пользоваться негласно.

Он промолчал. Она поняла.

— А где тот, с которым я должен был встретиться?

— Он сегодня не смог, но он позвонит вашему начальству и скажет, что мы всё утрясли и работа движется в правильном направлении. Хорошо? — она посмотрела на него. Ему показалось — заискивающе заглядывая в глаза. Он потупился и кивнул.

Эпизод восьмой

— Это вы? — Да, это я.— Я из аппарата, нам надо встретиться.— Когда? — Я внизу в кафе в вашем здании. Можете спуститься? — Иду.

Только он пришел из министерства — и уже снова кому-то понадобился.

Человек, который помахал ему, был старше министерской тети, но моложе его самого. Человек его знал, раз помахал ему, когда он зашел.

Интересно получается, подумал он: они меня знают, а я их нет.

— Извините, что внезапно, — человек встал и протянул руку, когда он подошел к столику. — Как всегда, пожар.

— Да я что, я понимаю, — ответил он, пожимая руку. — Что случилось?

— Пока, слава богу, ничего. Но может, если мы не разгребем.

— А что такое?

— Да этот ваш подряд с министерством. Вы же оттуда сейчас вернулись?

— Ну да.

— Ну вот.

— Там проблема?

— Да вроде того. Понимаете, они лезут на чужие полномочия и весьма нетерпеливы и настойчивы. Ничем не брезгают.

— А вам-то что? — насупился он.

— Да нам до всего есть дело, — улыбнулся человек. Такая приятная улыбка, подумал он.

— Мы за соблюдение правил, — сказал человек.

— А, — сказал он. — Я тоже. Так чем, собственно, могу помочь?

— Программа вторжения, — сказал человек.

— Слежения, — поправил он.

— Не в названии дело, — мягко согласился человек. — Дело в том, что мы хотели бы, чтобы вы и нам в ней окошко оставили.

— Но это не со мной. Это мои боссы решают, — сказал он.

— Да бросьте вы эту чепуху городить, — сказал человек. — Я вижу, мы договорились. Оплату они вам, я так понял, обеспечили хорошую, а за нами дружба. Дорогого стоит наша дружба, — опять улыбнулся он, но как-то по-другому.

— Ладно, я понял, — сказал он.

Они встали. Человек опять протянул руку, и он опять ее пожал.

— Будьте здоровы, — сказал человек.

— И вы, — ответил он. Повернулся и вышел.

Он ехал в лифте и легкомысленно думал о том, как вернется домой и проведет вечер у телевизора. Посмотрит пару фильмов, перескакивая с пятого на десятое, а потом Брамса Четвертую симфонию послушает.

Двери лифта открылись. Это не мой этаж, подумал он. Нет, лучше Третью. Да, Третью — и спать.

Эпизод девятый

Он решил начальникам не рассказывать о своих встречах, если не спросят. Решил он это, пока возвращался к себе, сразу после того как понял про Брамса.

Он зашел в чат команды, они все были на месте, трудились.

— Как дела? — спросил он.

— Думаю, месяц примерно нам еще нужен, — ответил один из опытных. — С ответвлениями придется повозиться.

— Вообще говоря, мы подписались на что-то не очень, — подхватил другой. — Ты бы, шеф, премию выбил нам. Дело левое.

— И опасное, — добавил третий.

— Ладно, я понял. Работайте, а я посмотрю, как нам спастись, — он отключился.

В этот момент подошел босс.

— Ну как сходил?

— Нормально. Поговорили про то, что вы, наверное, обсуждали при заключении этого контракта, но мне не сказали.

— Да, было такое. Теперь тебе понятнее.

— Понятнее, что моей команде полагается премия за такую работу. Стресс у ребят.

— Премия будет, не переживай. Делайте, — босс ушел.

Он сидел, уставившись в одну точку. Было не очень понятно, что делать со всем этим знанием, но нарастала тревога и под ложечкой всю сосало. Так с ним всегда бывало, когда надвигалась какая-нибудь жопа. Он объяснить не мог, а чувствовал сразу.

А что, собственно, я переживаю, все в курсе, все довольны. Внутренний голос тут же напомнил, что в курсе все быть не могут. Ладно, что-нибудь придумается, закончил он бесполезные размышления и пошел домой. Брамс не станет ждать.

Эпизод десятый

Они сидели над обрывом. Смотрели на закат. Козы были на месте. Они блеяли и звенели колокольчиками. Вилась вокруг почти не злобная мошкара. Они говорили о том, что путь сюда от дома не занял так много времени, как казалось снизу.

Они говорили, что в следующий раз пойдут вон к тем горам, что виднелись в дымке напротив. Они высказывали сомнения, что дойдут туда быстро. Но это было совершенно неважно, важен был не разговор, а вот это совместное смотрение заката.

Густое солнце съезжало в море, как яичница со сковородки, погружаясь в него, как на тарелку.

Сын повернулся к нему и сказал:

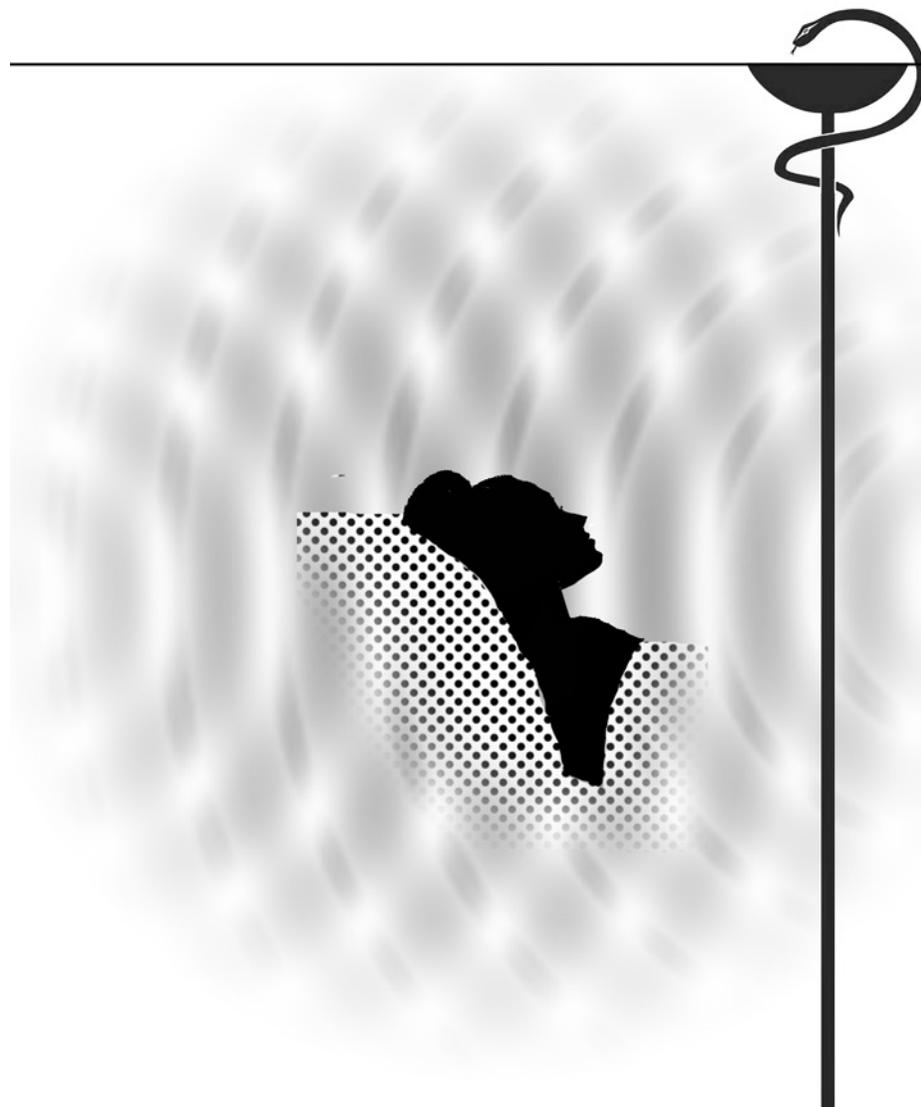
— Ты же знаешь, если тебе кажется, что тебе есть что сказать миру, значит, ты сошел с ума.

Он понял. Он хотел, чтобы этот сон длился вечно.

Э Ф Ф Е К Т

Д О П П Л Е Р А

Эпизод первый

Клара случайно оказалась больной. Ну, ей так казалось. Она же была еще так молода — слегка за 30.

Ее муж Эрик был владельцем больницы, где она теперь пребывала. Ему было 50. Он был здоров. А она, как выяснилось, нет. Рак. Ремиссия. Вернее, так — удалили молочную железу и теперь надо было ждать.

Но тут она болела с пневмонией, которая неизвестно с чего и откуда взялась. У болезней нет логики, которую способны распознать люди. Или ее нет вообще. Зачем болезням логика.

Клара была не глупая, но легкомысленная. То есть она легко осознала и легко забывала понятное. Если это было не больно, она цвела. Правда, с осложнениями. Она лежала, странное слово — лежала, в отдельной палате, и к ней относились крайне внимательно, из-за Эрика, конечно. Ей гордиться было нечем. За нее это делал муж.

Он любил ее, ходил и лелеял. Впрочем, она знала, что не одна. Эрик был широким человеком во всех смыслах этого слова. По большей части это было хорошая ширина. Но у всего хорошего есть и обратная сторона, как известно.

Эпизод второй

Утренний обход. Рутиня. Доктор послушал. Что-то отметил в ее карте, сказал, все идет хорошо, и он считает, что через неделю она будет дома. Если рентген подтвердит его выводы.

Клара не хотела рентген. Она считала, что это сильно нагружает организм, все эти X-лучи. У нее и так хватает воздействий последнее время.

Доктор покивал и ушел. Потом пришла медсестра и поставила капельницу, потом Клара спала, потом смотрела в окно. Потом листала инстаграм. Потом ела.

К вечеру устала, как будто отработала тяжелый день. Вечером пришел Эрик. Он был какой-то рассеянный. Что-то сказал про проблемы в текущих делах. Ну, все как обычно.

Клара попросила, чтобы не делали рентген. Он ответил, что не указывает врачам, что им делать. Она настаивала. Он сказал, что узнает, почему и что. Но врачи будут решать сами. Поцеловал и ушел.

Клара обиделась и уснула.

Эпизод третий

Утром после обхода врача у нее был психолог. Вернее, она у него. Даже не совсем психолог, скорее аниматор. Клиника заботилась, чтобы пациенты не залеживались, не получали душевных пролежней. Пробовали держать их в бодрости духа., пока страдало тело.

Она пришла. Села около двери. Ждала, когда позвонят. Федор Семенович, так звали врача, но она звала его про себя конечно — Фрейд. Ну, а как иначе? Просто и понятно.

Она не была поклонницей психологии, но это имя знала. Это была попса.

Федор Семенович выглянул и пригласил Клару. После стандартных приветствий и взаимного признания в отличном самочувствии доктор предложил поиграть в ассоциации. Он расскажет сказку, а она ему — чтобы это значило применительно к сегодняшней ее жизни. Федор Семенович начал про волка

и семеро козлят. Клара сказала, дальше не надо. Она помнит. Он засмеялся.

— Тогда приступайте.

Клара сказала, что сказка вроде бы про доверие, вернее про злоупотребление. Мимикрию, невниманье. В общем ее понесло. Она говорила не про сказку, шут с ней, она говорила про себя, про неизвестность которая все больше растворяла ее в себе.

Федор Семенович не перебивал. Клара сказала, что ей сказка кажется оптимистичной, ибо сулит все-таки надежду, что есть кто-то, кто позаботится. И что все мы маленькие, а взрослые все куда-то ушли. Судя по всему, вокруг.

Доктор вступил.

— Ну, а мы разве не заботимся о вас?

— Да, вы заботитесь, а кто заботится о вас?

Федор Семенович задумался.

— По идее, вы должны.

Клара удивилась.

— Как же я могу. Если бы даже и хотела.

— Ну, вы же думаете о нас сейчас, это немало уже.

Все взаимно, — сказал Федор Семенович. — Продолжим завтра.

— Завтра у меня процедура.

— А, точно, — он посмотрел в ее файл на компьютере. — Тогда назначаю вам на послезавтра.

— Спасибо, — сказала Клара. Встала.

Он открыл дверь. Она вышла. Она ему нравилась.

Эпизод четвертый

Следующий день прошел быстро. Ей делали какое-то исследование. Она запомнила только слово доплер. Посмотрела в интернете. Не все поняла. Физические эффекты на службе здоровья. Так сказали бы комментаторы в телевизоре. Теледоктора.

Вечером позвонила Светка. Спросила, можно ли зайти, и зашла. Света была школьной подругой. И трешоткой. Она знала все про все. Среди прочего расска-

зала, что у Эрика серьезные проблемы с финансами. Он нервничает и пытается перекредитоваться.

Откуда она знает? У нее подруга работает в банке, в кредитном отделе. Там на обслуживании фирма Эрика. Ну, или одна из фирм.

Клара сказала, что чувствует себя хорошо. И, наверное, на следующей неделе ее выпишут домой. Что ей надоело. Долго с врачами находиться — не дело. Тоска и безысходность накатывает.

Светка слушала молча, не перебивала. Это было странно, подозрительно даже. Потом Света попросилась и убежала. Оставив в палате Клары смесь ароматов и какой-то херни.

Как же они все меня ██████████, вслух сказала Клара. И Света, и Федор Семенович этот. Натурально. Козлята одни кругом.

Эпизод пятый

Но разгуляться Клара не успела, пришла медсестра ставить капельницу. Как кстати, подумала Клара, а то я сейчас бы уже посуду бить начала.

Эта сучка испортила мне настроение. Реально. А материться нехорошо. Тем более вслух.

И она продолжила про себя. Все-таки люди не могут друг друга беречь, даже когда хотят, эгоизм слишком естественен для человека, чтобы его избегать. Или хотя бы как-то канализировать.

Капельница капала, Клара открыла планшет и стала опять про доплера читать. Кристиан Допплер — австрийский физик. Открыл эффект. Теперь медики на аппаратах, построенных на основе этого, могут смотреть движение жидкостей в организме. Например, крови.

А зачем меня-то смотрели? У меня вроде с кровью все было в порядке.

Настроение не улучшалось. Она нажала кнопку. Пришла дежурная медсестра. Клара попросила снотворного. Сестра сказала, что сейчас добавит в капельницу. Клара успокоилась.

Эпизод шестой

Федор Семенович опять начал про сказку. А Клара спросила его про доплера. Федор Семенович ответил, что доплер хорош при первичной оценке просвета сосудов, например, в сердце. Например, аорты. Но не только — сосудов в теле много разных.

Клара слушала внимательно, а потом спросила доктора о его любимой сказке, и Федор Семенович сказал, что предпочитает анекдоты. Особенно медицинские.

— А вы как относитесь к анекдотам? — спросил доктор.

— Они меня оскорбляют. Они почти всегда мужские, пошлые и рассчитаны на невысокий уровень.

— Ну, вы очень строги, это же не так глубоко.

— А ранят глубоко.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вот, к примеру, медицинский. Звонок в реанимацию. Алло, подскажите больной жив еще? Нет еще. Ну чем плохо, а?

— Ну, может, этот и ничего. Но опять же представьте, не все с развитым чувством юмора, а ранимые — все. И про что этот анекдот?

— Ну как про что? Про относительность жизни. Вот, как говорил Камю, знаете такого?

Она неопределенно пожала плечами.

— Так вот, он говорил, что осознание смертности человека превращает жизнь в шутку. Разве не прелестно?

Ей вдруг разонравились и Федор Семенович, и халат, в котором она к нему пришла, и прическа. В общем, все покатило в тартарары.

— Что не так? — спросил Федор Семенович, заметив перемену настроения пациентки. — Не любите Камю, может, Сартр подойдет? Ладно-ладно, я понял — не любите французов.

— Я недостаточно образована для подобных разговоров, а вы глумитесь, зная это, — сказала Клара зло.

Федор Семенович извинился. Она молча встала и ушла.

Эпизод седьмой

После обеда пришел Эрик. Она уже отошла от Камю и встретила мужа радостно. Он был сосредоточен.

Сложности, вспомнила она Светины сплетни. Когда-то она сама была бухгалтером в его фирме. Собственно, так они и познакомились. Это было уже давно. И они договорились, что она у него больше работать не будет. Тем более, она не хотела работать бухгалтером. Так что удачно сложилось. Он не хотел, она не хотела. И все хорошо получилось тогда.

— Я могу помочь, дорогой? — спросила Клара.

— Хочешь вернуться? — спросил он.

— Если надо.

— Думаю, пока в этом нет нужды, но спасибо, я буду иметь ввиду твой порыв. Ты как тут? Я попросил не делать тебе рентген. Врачи сказали, что в этом теперь и нет необходимости. Там у них какие то изменения с диагнозом. Но я не знаю подробности. Думаю, ничего серьезного.

— Хорошо бы, — сказала Клара. — Ты читал Камю?

— Нет, только пил, — заржал Эрик. — Был такой коньяк когда-то. Может, и сейчас есть. Не люблю коньяков.

— Понятно, — сказала Клара. Эрик любил упрощать себя, он считал, что так безопаснее. Чем проще, тем спокойнее. Не давать людям повода для гнева.

— Клара, ты же знаешь, я не интеллектуал ни разу. И тем более не интеллигент. И мне это нравится.

Клара притянула его и поцеловала.

— Привези мне одежду, — попросила она, — надоели халаты.

— Яволь, — козырнул Эрик.

— Ладно, беги, — сказала Клара, — не поддерживая шутовскую концовку встречи.

— Буду здоров, — Эрик пошел к двери. Помахал, обернувшись. — Пока.

— Пока-пока.

Эпизод восьмой

Утром пришел врач. Сказал, что надо делать еще одно исследование для уточнения результатов доплерографии.

— А в чем дело, спросила Клара. — Муж мне вчера туманно намекал на изменение диагноза и ненужность теперь рентгена.

— Да, мы теперь больше подозреваем сердце, а не легкие. Те симптомы, которые наблюдаются, двигают нас в сторону рассмотрения вариантов сердечных диагнозов. Вот наберем экспериментальную базу. И будем посмотреть. Вы не волнуйтесь. Все под контролем.

Доктор ушел. Клара осталась одна. Она встала, подошла к окну и стала смотреть на деревья. Был ветер, и они гнулись и качались, создавая иллюзию борьбы за существование. Актеры хорошо знали роли, отработанные веками, исполняли их безупречно.

Вот бы мне так относиться ко всему происходящему. Естественно. Обезличенно. Деревья же не считают, что ветер их гнет по какому-то злому умыслу, ненавидя конкретно их. Они не обижаются. Не то что люди.

Клара не знала, что делать дальше, и легла в кровать со слабой надеждой заснуть. Мир удивился вместе с ней, когда Кларе это удалось. Это, наверное, ветер. Мы все метеозависимых рассуждала она, проснувшись.

Был вечер, она встала и пошла за кофе.

Эпизод девятый

В этот раз Федор Семенович был задумчив. Он решил, что надо изменить подход к пациентке и спросил ее, о чем бы она хотела поговорить сегодня.

— Вижу, история со сказками не пошла у нас, — сказал он.

— Ну почему же, — ответила Клара. — Очень даже. Я задумалась, что ждет меня дальше, после анекдота про реанимацию. А если мы обсудим вот эти мои перспективы.

Федор Семенович не возражал.

— Начинайте, — сказал он.

— Ну вот смотрите, — начала Клара. — У меня рак. Ну, допустим, будет длинная ремиссия или совсем рассосется. Я поставлю импланты, и грудь станет лучше прежней. И вроде все хорошо. Но. Рак отступил, а ложь — нет. Мне все лгут.

— Кто все? — перебил Федор Семенович. — Давайте предметнее.

— Муж врет. Подруга врет. Доктор не договаривает. Лечащий мой. Вы — скользкий. Оно понятно — психолог.

Федор Семенович замотал головой:

— Голубушка (ни хрена себе завернул, подумала Клара), голубушка, — повторил он, — Вы огульно как-то рассуждаете и обесцениваете себя тем самым. Врач ваш лечащий еще просто не уверен в диагнозе и не хочет зря вас путать. Муж не хочет вас расстраивать проблемами, а подруга — как настоящая подруга — хочет делиться только хорошим. Может так?

— Может, и так, — согласилась Клара, — но у меня же ощущения, и они нехорошие. Предчувствия.

— Ладно, время вышло, — Федор Семенович с облегчением сказав это, легко поднялся и открыл дверь. — Вы все-таки побольше людям давайте шансов. Быть хорошими. И вы удивитесь результату, — присовокупил он напоследок.

Она кивнула и вышла.

Эпизод десятый

Прошло еще два дня. Потом пришел доктор. Присел на стул перед кроватью. У него была борода. Ухоженная, как и он весь сам. Халат, шапочка и очки. Все сияло на нем.

Доктор сказал, что у нее аневризма аорты. В грудном отделе. Она такая и так расположена, что необходимо обсуждать сроки операции, а пока наблюдать. Они рассчитывают ее еще несколько дней подпитать капельницами и сделать ряд подготовительных анализов, если вдруг с операцией придется ускориться.

Он излучал оптимизм и уверенность, хотя вроде это одно и то же, подумала Клара.

— Вам все понятно? Какие-нибудь вопросы? Впрочем, в любое время готов ответить. Может, вопросы созреют позже. Прошу, задавайте по мере созревания.

Фамилия доктора была Ермолаев. Зачем, собственно, я это вспомнила, подумала Клара. Зачем мне его фамилия.

Аневризма, продолжала Клара внутри себя. Интересно, это совсем плохо? Хуже рака или лучше? Ей казалось, что относительность ее существования превратилось в случайность. Возможно, она путала Допплера с Эйнштейном. Хотя вычислять расстояние между берегами, измеряя воду в реке, это, безусловно, сказочный подход.

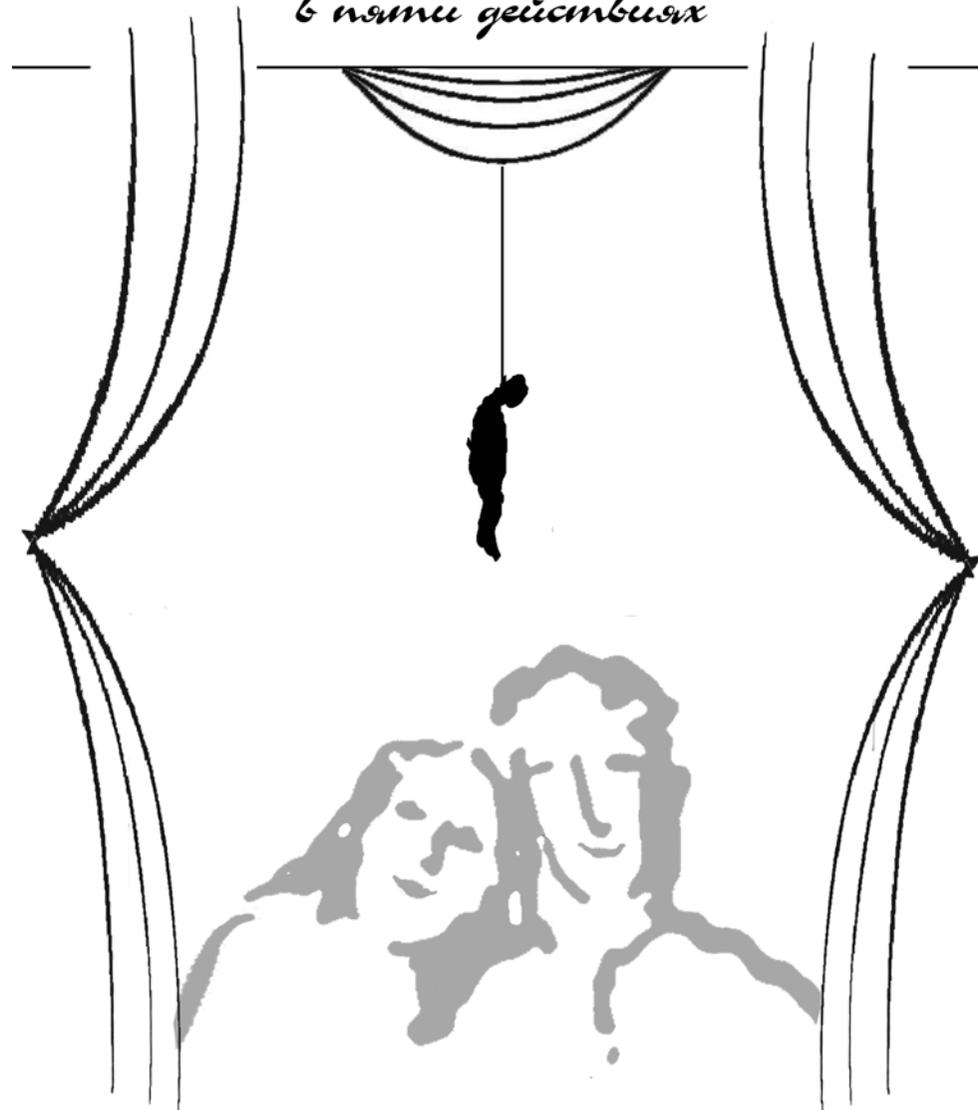
Тут Федор Семенович прав, подумала Клара. Я теперь буду любить людей и доверять. Они ведь врут из желания беречь. Значит им не безразлично все, что между берегами.

Клара лежала и смотрела в потолок. И все у нее было хорошо.

Похороны Смирнова

*Комедия
в пяти действиях*

Похороны Смирнова

Комедия в пяти действиях

«...Им холодно, они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больше они колют друг друга своими длинными иглами...»

Артур Шопенгауэр

«Не я плачу, воспоминания плачут»

Иван Гончаров

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В каждом действии пара: он и она.

Он — как правило, деятель или типа того.

Она — как правило, королева или типа того.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Он лежит на диване. Он любит лежать на диване. Кот делает попытку прилечь рядом. Он говорит ему: брысь. Кто-то звонит. Он берет трубку.

Трубка. Это ты?

Да, это он.

Трубка. Смирнов повесился

Он. Почему?

Трубка. Не знаю я, почему. Он сначала пропал, дискретно выпадал. И вот совсем выпал.

Он. Что думаешь делать?

Трубка. Надо поминки организовать или что там делается в таких случаях, я не очень в курсе.

Он. Надо, наверное, дать объявление. Может, кто-то захочет прийти.

Трубка. Да, наверное. Ты скажешь ей? Я не смогу.

Он. Хорошо, я скажу ей. *(Кладет трубку.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Он идет по коридору, стучит в дверь.

О н . Ты дома?
О н а . Нет, меня нет.
О н . Смирнов повесился.
О н а . Уходи.
О н . Послушай.
О н а . Уходи.
О н . Хорошо, но ты должна как-то решить с похоронами, у него никого не было, кроме нас.
О н а . А кто его нашел и где?
О н . Я не знаю.
О н а . Ладно, уходи.
С ц е н а третья
О н а заходит в комнату, где он лежит на диване.
Ну, как обычно.
О н а . Смотри, что мне попало по дороге.

Он ничего не видит и кивает: красивое.

О н а . У тебя никогда не было вкуса, уже не жди.
О н . Я не жду.
О н а . Слушай, насчет похорон. Мы же не можем вот так без родственников ну и всего прочего взять его и похоронить.
О н . Ты знаешь его родственников?
О н а . Нет, но это не имеет значения. Надо поискать.
О н . Поищи.
О н а . Ты пытаешься сделать из меня виноватую.
О н . Ни разу.
О н а . Но я же вижу эти косые взгляды вокруг и шепот: это она, это она.
О н . Ну, это обратная сторона славы.
О н а . Какой славы?
О н . Ну, тебе же нравилось. Популярный автор и постановщик всего, что можно поставить, и его она.
О н а . Мне льстило, но я же не любила, зачем мне все это.
О н . Любишь мороженое, люби и зиму.
О н а . Как ты примитивен.

О н . Я лапидарен — да, но не примитивен.
О н а . Капитан Очевидность.
О н . Может, и майор, все может быть.
О н а . Что мне делать?
О н . Дать объявление и обзвонить всех, кто есть в его записной книжке, или в телефоне, или где там еще, всех позвать, а потом...
О н а . Да, что потом делать?
О н . Накрыть стол и ждать: вдруг кто-нибудь придет. Я приду, обещаю.
О н а . Можешь помочь с этим всем?
О н . Ну, конечно, я все сделаю.

Он встал с дивана, закрыл за ней дверь и пошел, шлепая босыми ногами, — ну, по тому, по чему он шлепал обычно босыми ногами.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

У него. Он разговаривал насчет Смирнова, ругался и плевался.

О н . Да никогда это не может быть приемлемо. Чего ему не хватало? Всего. Когда есть — тогда не надо, а когда нету — тогда сразу надо. Есть такой набор первой необходимости.

С о б е с е д н и к (*в трубке*). Ты хочешь сказать, мы все терпим, а он не мог? Он что — особенный был, этот ваш Смирнов?

О н . Ну, значит, не мог. Мы все разные. Это его жизнь, он и решил. Ты другой. И ты решил, что ты меняешься вместе с линией партии. Это же выбор индивидуальный.

С о б е с е д н и к . Меня Смирнов своим поступком оскорбил. Поставил потому что себя выше меня, и я хоронить его не пойду.

О н . Воля ваша (*вешает трубку*).

СЦЕНА ПЯТАЯ

У него. О н а заходит, о н , как всегда, на диване.

О н а . Я из сил выбиваюсь, а ты опять лежишь.

Он не знает, что сказать, и суетливо перебирает плед, которым покрыт.

О н а . Ты что-нибудь сделал?

О н . Никто на похороны идти не хочет.

О н а . Так я и знала, ты беспонтовый говноед.

О н . Может быть, но зато я не ложусь подо все, подо что можно лечь.

О н а . Ты что — задеть меня хочешь? Это прошло у меня лет в четырнадцать.

О н . Что прошло?

О н а . То место, которое можно задеть, умерло много лет назад.

О н . Да, я знаю. Знаю и всегда вспоминаю, когда задеваю твои бетонные колени.

О н а . Дебил и интеллеktуал — это невыносимое сочетание.

О н . Но тебе же нравится.

О н а . Иди в жопу.

О н . Остро.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

У него.

О н а . Ну так что?

О н . Что?

О н а . Что будем делать?

О н . Сожжем его с утра в субботу, а на 15-е закажем что-нибудь вычурное за городом с каким-нибудь суперназванием — типа «Княжеская охота». Или туда уже не ходят?

О н а . Если кто и придет, то туда придут — всем рядом.

О н . А кто-то еще остался?

О н а . Ну, кто-то же должен ведь родину любить. Типа как ты.

О н . Вот [REDACTED]. Да, я люблю, в отличие от тебя, бездушного имитатора всего, что попадает из собственного принести прибыль.

О н а . Ты сам продаешь иллюзии. Кто-то из боссов считает тебя умным и талантливым.

О н . Что не так?

О н а . Да все не так.

О н . Да ну.

О н а . Да, я зарабатываю за нас обоих, а ты только скрипишь и валяешься на всех диванах со всеми шляхами, которых ты почему-то называешь актрисами. Это льстит тебе или им?

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

На ступеньках крематория.

О н . Ну что, по-моему, все прошло прекрасно.

О н а . Ужас, как я не люблю все это. Это ощущение гари. Эти искусственные слезы.

О н . Какой гари, что ты придумываешь. Прекрасное современное оборудование. Какая гарь? У тебя в носу не может быть ощущения никаких запахов. Кого ты обманываешь.

О н а . Мудак.

О н . Ягодка.

О н а . Теперь в ресторан надо ехать, скорее бы закончилось уже это все.

О н . Тут трудно не согласиться, моя королева Марго. Рыбка.

О н а . Пошляк, ненавижу твою гнусную манеру. И рожу твою ненавижу смотреть.

О н . Ну-ну, к чему этот огонь, мы же одни. Или ты репетируешь интервью с очередным подонком? Где ты их находишь?

О н а . Заткнись.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Он опять у себя.

Он (*разговаривает по телефону*). Нет, прекрасные были похороны, было полстраны. Все сайты забиты репортажами. Смирнов — это Смирнов. Не [REDACTED] какая-нибудь. А я тебе говорю, все прошло на ура. Пока. (*Вешает трубку и продолжает смотреть.*)

Она протискивается в дверь, как будто ей что-то мешает. Да, она в каком-то странном наряде.

Она. Ну что, вот так нормально?

Он (смотрит без выражения). Для чего?

Она. Ну как, сегодня же прием, ты что — забыл?

Он. А зачем так-то себя инициировать?

Она. Вдруг забывать начали, я переживаю.

Он. Не переживай, тебя невозможно забыть. Последние интервью были такими отвратительно полезными для системы, что...

Она (*перебивает*). Это правда, я редкостная тварь, как такую забудешь. (*Смеется.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Опять ее комната.

Он. Слишком много компромиссов рождают неуправляемую среду. Именно в ней теперь вязнет Европа. Старушка Европа под бременем мертвых. Эмигранты погубят ее окончательно. Они умерли, ибо оторвались от своих корней, и она чахнет под их задором. Бескультурные варвары. Как тебе?

Она. Ну, для них сойдет, они такое любят.

Он. Думаешь, купят?

Она. Конечно, у тебя же лучший импресарио в мире.

Он. Ну да. Иногда мне кажется, что я работаю за еду.

Она. Ну, еще ты можешь быть возле меня.

Он. Это, похоже, очень дорого мне обходится.

Она. Без меня ты бы валялся сейчас под забором, не в силах решиться хоть на что-нибудь. А так ты востребован, нужен. Ты идеолог нового мира.

Он. Ну да, ну да. Ну, я тогда доделаю и отнесу статью. Или ты?

Она. Неси сам, ты же не заблудишься? (*Смеется.*)

Он. Постараюсь.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Опять его комната.

Он. Да, я говорил и возражал, да, я готов переделать, я готов хоть всего Лермонтова переписать, но «Капитанской дочки» не получится. Ах, вы и это знаете. Тогда я за культуру нашу спокоен. Всего доброго.

Бросает трубку и ложится на диван.

Она (*входит в комнату*). Мне звонили и говорили ужасные вещи. Говорили, что ты уперся и не желаешь ставить «Молодую гвардию». Это еще почему?

Он. Я ее не чувствую.

Она. Хорошо, поставь заседание парткома. Своевременная жизненная вещь.

Он. Я посмотрю.

Она. Ну, не капризничай, зайчик, я такой подряд получила, а из-за тебя может все сорваться, если тобой будут недовольны. Я же отвечаю за тебя перед старшими товарищами.

Он. Ладно, отстань, я подумаю.

Она (*холодно*). Не затягивай.

Уходит.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Он (*с собеседником по телефону*). Да брось ты, все одинаковые, и Смирнов был таким же, как все,

а потом — ну, не знаю, почему-то. Настроение, похмелье, неудачи творческие, да мало ли причин. Да иди ты в жопу со своими домыслами. Не делай людей прекрасными — и не будешь расстраиваться. Пока.

О н а *(входит резко)*. Ну до чего испоганились люди, к ним всей душой, а они.

О н *(щурясь)*. Это ты-то всей душой? Смешно. Ты их продаешь и покупаешь. Кому-то это иногда надо. Это естественно, душа моя.

О н а . Ах вот как ты заговорил.

О н . Да ладно, я в меланхолии. После разговора с Загорским. Он наговорил мне тут про мотивы Смирнова. Как он переживал и помогал всем, и вообще.

О н а . Понятно. Ну а мне-то что делать? Вышло интервью с этой мадам, и она теперь страшно недовольна: я рассказала, чего рассказывать нельзя. Но ты же знаешь: не хочешь, чтобы узнали, мне не рассказывай. *(Смеется.)*

О н . Ну да, тебе же касса нужна. Чтобы боялись и восхищались. А главное — не забывали. Чтобы каждый день ты, ты и только ты во всех утюгах. Ух ты, золотое дитя перестройки.

О н а . Да, а что? Я такая. Я могу и я хочу.

О н . Мне надо идти к этим. Получать точки над «і». Наводить резкость и понимание, как надо смотреть на происходящее. И еще мне расскажут, чего от меня ждут. В общем, на правилку пошел. *(Смеется.)*

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Обедают в ресторане где-то в Охотном ряду.

О н . Ну, мне объяснили. Знаешь, оказывается, хранение традиций — это наша единственная задача последние тысячу лет, и мы с ней отлично справляемся.

О н а . А как ты думал, конечно. Все эти иконы, братства и прочая лабуда. Все, чтобы показать вечность и незыблемость. И ты понимаешь, все эти из-

вращенцы — прям умильные прихожане с постными лицами.

О н . Да кому ты рассказываешь. Они с одинаковыми лицами ходят и в храм, и в театр, и на партсобрание.

О н а . Ты отбил мне аппетит весь. Вот ешь теперь сам свои гребешки.

О н . Как ты все-таки чувствительна, душа моя. Да насрать, мы не изменим традиции жить как жили.

О н а . Да, конечно. Постоянно жмут. Это не говори, это не пиши. А субботники? Этого отпаша, этого прикрой. И от кого они прикрываются? Да друг от друга.

О н . Среди друзей — самое опасное и некомфортное пребывание. Неизвестно, кто тебя имеет прямо здесь и сейчас.

О н а . Ладно, пошли. У меня куча дел. Или ты останешься? Оставайся. Я побегу. С тобой долго. *(Уходит.)*

О н . Слава богу, ушла, как же я теперь отлично поем и отдохну. На сегодня мне уже достаточно свиных рож.

Зовет официанта.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Она разговаривает по телефону из машины.

О н а . Да, я сейчас заеду. Невыносимо это все. Он так тяжело мне дается. Ну почему я? Ладно. Конечно, я сладкий пирожочек. Но трахать меня надо как следует, а не абы как. Иначе какой во всем этом смысл. Да уж, пожалуйста, устрой. Да, скоро доеду.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О н , ожидая счет в ресторане, разговаривает по телефону.

Он . Представляешь, она полностью солидарна со всеми этими бездарями. И еще мне Бродским тыкает.

Трубка . Ну а ты?

Он . Я все ей сказал. Я сказал ей, что я, конечно, все вынесу. Но не все-все-все.

Трубка . Ну а она?

Он . Она сказала, чтобы я не выебывался и со-сал, как положено. Представляешь? Говорит, нужен энтузиазм.

Трубка . Какая же она тварь. И сука. Сука и тварь.

Он . Да-да-да. Когда увидимся? Я соскучился.

Трубка . Ну, не раньше пятницы, кролик, меня же нет, ты же знаешь (смеется). Все, пока, я побежала.

Он . Пока. (Вздыхает и кладет трубку.)

Действие второе

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Он в расписном халате, в скуфейке стоит у окна. Такого — от пола до потолка, на каком-то пятидесятом этаже, и глядит на реку. Она с длинным мундштуком в руке, в трусах и майке, заведомо мальчишеской прическе.

Он . Ты уже достала этими посиделками до утра, мне надо работать. И дети, почему дети в загоне?

Она . Ничего они не в загоне. Они с няней были, все в порядке. К тому же ты все сам знаешь. Контролируешь каждый шаг всех, до кого можешь дотянуться.

Он . Тебе плохо со мной?

Она . Я этого не говорила.

Он . Значит, мне показалось.

Она . Тебе всегда все кажется, а все потом виноваты.

Он . Ладно, собирайся, поедем обедать. Все-таки воскресенье. Семейный день. *(Смеется.)*

Она . Ну, через час я, может быть, буду готова.

Он . 20 минут, и ни минутой больше. Время пошло. Я уже вызвал машину.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ресторан, куча народа. Обедают перед театрами. Отдельный кабинет.

Он *(после ухода того, кто с ними обедал)*. Ну, что скажешь про этого, как он тебе?

Она. Ни рыба ни мясо. Скользкий и противный.

Он. Ну, конечно. Он вполне религиозен, не то что твои подружки. Всякие гоголи и моголи. Тут другое, это ведь не Малая Бронная.

Она. Слушай, не втягивай меня в это свое. Я в этом ничего не понимаю. И не хочу.

Он. Ты моя жена. Что значит не хочу? Ты обязана. Мы вместе. И борьба — она и твоя борьба.

Она. Ну, хорошо. За что ты борешься?

Входит официант. Они замолкают. Он просит кофе и счет.

Она. Я хочу стакан воды.

Он. И стакан воды.

Официант уходит.

Она. Что в этой вашей мелочной возне?

Он. Нет никакой возни. Время такое. Надо найти способ выжить. Устоять. Возможно, занять недостижимые ранее места.

Она. Ну да. Я понимаю. Пошли давай, великий.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Где-то в Европе, наверное. Но об этом сейчас немодно распространяться.

Он. Ненавижу Париж. Всегда одно и то же. Они суют нам превосходство, а мы им Чайковского.

Она. Да ладно. Ниночка, как всегда, была прелестна, буфет неплохой. Что не так?

Он. Что — мне уже и покапризничать нельзя?

Она. Можно, конечно, можно. Просто ты все принимаешь близко к сердцу, я переживаю. Может быть, поедем лучше на побережье или на остров. Помнишь, звал Ксавье тебя?

Он. Да. Может быть. Но я все-таки не знаю, чем нам открывать сезон. Министр молчит, а я человек коммерческий, мне надо кассу собирать.

Она. Ну, если бы их не было, ты бы ничего не собрал. Без идеологий-то.

Он. Молчи, дура, о чем не понимаешь. Думаешь, мне это все даром достается. Язык болит. Все жопы лизать — не перелизывать.

Она. Да ладно тебе, успокойся. Все у тебя будет ок. Иначе я бы за тебя не вышла. *(Смеется.)* Или считаешь, пора разводиться?

Он. Ты дошутишься. *(Уходит, хлопает всем, что попадает под руку.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Опять столица.

Он. Ну решительно не могу понять, чего они от меня хотят. Ну подумай сама. То надо ставить, то не надо ставить. Вот скажи, чем плоха «Бангладешка»? Отличная вещь — и музыка, и декорации, и костюмы. Но нет, опять нет идеологической составляющей. Размывает основы.

Она. Ну и не парься. Дай глубину, качни философией, ты же умный.

Он. Да, я умный. Я в состоянии и Достоевского на лыжи поставить. Но не могу я вектор определять, а они — кто во что горазд. И кто будет отвечать?

Она. Милый, ты горячишься, дыши ноздрями.

Он. Нет, ну ты пойми, но невозможно же так. Пусть кто-нибудь скажет, как надо. И не на сегодня, а навсегда. И я буду тогда понимать и отливать в бронзе.

О н а . Я не знаю. Так, наверное, нельзя. А может, они сами не знают, как надо?

О н . Не пори чушь. Всё они знают. Просто играют. Ждут, чтобы я оступился. Но ■■■ им. Да-да, именно, ты не ослышалась. Не дам им такой радости.

О н а . Ну хорошо, дорогой, как скажешь. Давай пойдем, я чаю заварила, того, от Мэйси, последний раз выбрали, помнишь?

Он понуро бредет за ней на кухню.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Квартира по-над речкой.

О н (*говорит по телефону*). Нет, я не могу перенести на 20-е, да вы поймите, душа моя, это невозможно. С 10-го театр на ремонте. Ремонте! Как кто разрешил? Вы и согласовывали. Я не смеюсь. Да, точно так. И в аппарате, и в совете. (Кладет трубку и тупо смотрит на нее.)

О н . Какие-то чудеса.

О н а (*кричит из другой комнаты*). Дорогой, ты будешь завтракать?

О н . Да.

Выходит в другую комнату.

О н . Нет, ну представь, звонит сейчас мадам и говорит невозможное. Затем звонит администратор, начальник большой, и говорит еще более невозможное.

О н а . А что случилось?

О н . Ну, я закрыл театр на ремонт, а теперь понадобилась площадка для какого-то мероприятия, большого и важного, и они все делают вид, что первый раз слышат.

О н а . Что — других помещений нет?

О н . Есть, конечно. Но хотели у меня. И главное — мне это тоже нужно. Это мероприятие — чтобы было у меня. Вот, черт возьми, мудизм.

О н а . Ну ладно. Следующее будет точно такое же, они тебя любят.

О н . Они? Они меня ненавидят. Сожрали бы, да не могут. Пока. (*Смеется*.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Сидят в машине. Машина едет по мосту. Вид открыточный. Ну, бывают в этом городе такие виды. Попадаются иногда. О н смеется.

О н а . А чего смешного? Почему я всегда выгляжу нелепо?

О н . Нет, прекрасно. Как ты ему сказала? А вы кто?

О н а . Ну а что такого, я действительно не знала его. Первый раз увидела. Сомлела прям вся.

О н . Нет, его лицо, выражение лица было бесценно. Он так оторопел. Он смотрел на тебя с ужасным изумлением. Великолепно это все было.

О н а . Анжелика начала отвлекать, хлопотать. Она в этом мастер вроде. Развеела немую сцену. Все смеялись и все позабыли.

О н . Ну, конечно. Уже всему городу, поди, рассказали.

О н а . Ну, я не знаю. Тебе виднее. Я тебя подвела?

О н . Да нет. Ну баба-дура, что с нее возьмешь. Будут меня подкалывать пару дней. Потом другое развлечение найдут.

О н а . Ну прости.

О н . Давай заедем. Сюда, с моста направо. По бокальчику. Ты как?

О н а . Да я с удовольствием (*в изумлениц, что так легко сошло недоразумение с рук*).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Звонит телефон у него в кабинете. Он занят. Совещание. Но снимает трубку.

Т р у б к а . Приветствую! Ну и как вы себе представляете то, что прислали, ваши предложения? Как их реализовывать?

О н . Добрый день! Я думал так, что вы утвердите, и я все сделаю.

Т р у б к а . А как? Как вы это сделаете?

О н . Ну, как всегда. Возьму и сделаю. Вы утвердите. А я все сделаю.

Т р у б к а . А деньги? Откуда деньги?

О н . Ну, там смета приложена. Но если скажете, я найду сам.

Т р у б к а . Вот даже как. Смело. Интересно. Я подумаю.

О н . Спасибо за звонок (*уже отключившемуся собеседнику*).

О н . О чем мы говорили? Давайте перенесем. У меня важный звонок.

Все выходят.

О н (*вслух, оставшись один*). Может, я погорячился? Не стоило так вкладываться? Теперь, если он согласится, придется искать деньги, звонить Петру, унижаться, предлагать опять заинтересованные продвижения в тесном кругу культуры. Где все. Где все — как в любовью закрытой корпорации — тугие, неповоротливые, недоверчивые и извращенные. Ладно. Посмотрим.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Яхта. Средиземное море. О н в прекрасном настроении. Отпуск. О н а , впрочем, тоже.

О н . Море спокойное. Может, поныряем?

О н а . Я чего-то не хочу. Да и нельзя еще, наверное. После полета.

О н . Ну да. Пожалуй. Попроси тогда еще шампанского. Хочется праздника.

О н а . Конечно, милый. Все-таки здорово, что ты выбрался. Да и я тоже. (*Смеется.*)

О н . Ну да. Оторвалась от вашей сплоченной группы. Все кости перемыли?

О н а . Еще не всем. Но тебе перемыли.

О н . Что говорят?

О н а . Говорят, что ты пользуешься ситуацией и загребаешь все больше под себя. Не вылезает от администраторов. И все гранты и контракты твои, ну, или почти все. (*Смеется.*) Тебя не сильно любят.

О н . Едва терпят. Тусовка совсем не моя. Я держусь именно в результате их непреходящего изумления и моей наглости.

О н а . Ну да. Давай же пить шампанское. А то сейчас они появятся.

О н . Ну и пусть. Это же наши дети.

О н а . Я их обожаю.

О н . Вроде школы некоторые сохраняются. А то непонятно, что делать-то.

О н а . Хорошо бы. Им нравится нынешняя. Кстати, моя мама хочет приехать.

О н . Сюда? Конечно, пусть приезжает. Мне нравится семья. Кто бы что ни сотворил, семья — это семья.

О н а . Ок. Я напишу ей. Ее кто-нибудь встретит?

О н . В Ницце? Ну, конечно, скажи ребятам.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Театр. Идет монтаж декораций. Звонит телефон.

О н . Да. Привет. Ну почему сразу так. Я такого не подразумевал. Я думал — по-товарищески. Ладно, нет так нет. Извини, жена звонит.

О н а . Отрываю?

О н . Ну что ты. Один придурок просто пытался прокатиться на халяву. Но я ему не дал. (*Смеется.*)

О н а . Да. На тебя где сядешь, там и слезешь. Неужели этого еще не все знают?

О н . Видимо, не все. Какой план? Мне заехать за тобой и вместе пойдём? Или ты туда сама приедешь?

О н а . Наверное, сама. Мы тут со Светой немного зависли и не укладываемся по времени.

О н . Ну ок. Тогда там. Но обратно вместе. *(Смеется.)*

О н а . Железно.

Он продолжает разглядывать декорации, которые продолжают монтировать.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Едут в машине после афтепати, которое было после мероприятия, на которое они так давно хотели попасть.

О н . Все-таки это было не нужно.

О н а . Почему? Ты поговорил с Егором Кузьмином — ты давно хотел, а тут как раз и он, и ты, и абсолютно не связанная повестка.

О н . Откуда ты такие слова знаешь? Повестка. Непринужденная обстановка. Ты прям как мои суслики. Все сечешь, во всем разбираешься. *(Смеется.)*

О н а . Ну да. Пытаюсь соответствовать. Не все же время дура дурой стоять рядом с тобой.

О н . Ну, вот раз ты такая продвинутая, скажи мне: надо использовать детей в рекламе?

О н а . наших?

О н . Да, наших. В мой большой рекламный проект нужны дети для визуализации концепции. Что думаешь?

О н а . Я, в принципе, не против. Меня возьмут?

О н . Ну как без тебя, конечно, возьмут. Тогда решили: будем эксплуатировать детей.

О н а . Они будут рады. Это не эксплуатация, а привлечение для них.

О н . Да, конечно. Я пошутил. Я, кстати, получу еще проект. Решится на неделе.

О н а . А что, разве тебе недостаточно того, что есть?

О н . Дают — бери, бьют — беги. Нельзя отказываться, фарт уйдет. А сейчас время собирать.

О н а . Ну, не знаю. Возможно. Хотя у меня от новостей мороз по коже иногда. Не уверена, что завтрашний день меня обрадует.

О н . А кто говорит, что уверен. Но надо шевелиться. Иначе что? Застой и смерть.

О н а . Ты слишком хитрый.

О н . Я-то? Да. Зато ты красивая. Отличный мариаж.

О н а *(смотрит в окно)*. Красиво тут как все-таки.

О н . Здесь очень, да, и дальше неплохо. Хочешь, еще проедем куда-нибудь?

О н а . Нет. Давай домой сразу.

О н . Ок.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Поздний вечер бесконечного дня. Она ушла спать. Он читает сообщения в телефоне. Звонок. Он снимает трубку.

О н . Да, это я.

Т р у б к а . Смирнов умер.

О н . Я его вроде видел недавно.

Т р у б к а . Ну да. Он сначала пропал, а потом нашлся. Вы скажете ей? А то я не смогу.

О н . Да, конечно, скажу.

Т р у б к а . Спасибо.

О н . Если нужна помощь с похоронами, родственниками, скажите, что надо сделать.

Т р у б к а . Спасибо. До свидания.

О н *(идет в спальню)*. Ты не спишь?

О н а . Нет.

О н . Смирнов умер.

О н а . И что? Я при чем?

Он . Я не знаю. Просили передать — я передаю.
Она . Будешь ложиться?
Он . Нет. Еще почитаю там.
Она . Тогда закрой дверь. Я буду спать.
Он . Спокойной ночи. *(Закрывает дверь.)*

Она любит готовить. Он любит бухать. Гармоничная пара. Она очень много работает. Мотор. Ну а ему деваться некуда.

Действие третье

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Загородный дом. Много народу всегда. Бывшие жены, родители, сотрудники и прочие.

Она *(забегает, когда он наливает)*. Ну что такое, дорогой. Еще не вечер.

Он . Но адмиральский час пробил. *(Смеется.)*

Она . Так сегодня голубцы. Мне привезли чудесную капусту. И мясо, и все-все-все. И ничего не говори. *(Уходит.)*

Он . А я ничего и не говорю. *(Делает глоток.)*
Отлично. *(Счастлив и доволен.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Огромный и сложносочиненный обед окончен. Гости разъехались. Они сидят на веранде. Она в переднике, он в шортах и фуфайке.

Он . Ты довольна?

Она . Да. Но все-таки соленые огурцы подкачали. То ли размер, то ли засол. Не пойму.

Он . А по-моему, все было отлично.

Она . Ну, конечно. Даже твоя бывшая с удовольствием осталась до завтра. Доедать. Все не смогла за раз.

О н . Язва ты все-таки.

О н а . Ну, за это меня и любят.

О н . Что да, то да. Не даешь спуску врагам.

О н а . А то.

О н . Новый сценарий мой смотрела?

О н а . Слушай, давай завтра про твое занудство поговорим.

О н . Как хочешь. Это же тебе надо. Мне просто скучно.

О н а . Ну, конечно. С моими бабками, конечно, тебе скучно. Делать-то ничего не надо.

О н . Опять. Тогда я пошел спать.

О н а . Видишь. А я пошла работать.

Расходятся.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и там же. Типа следующее утро. Утро после обычного праздника вечером. Сидят на кухне и едят овсянку.

О н . Все-таки вот эти пиры, зачем они? Ты сублимируешь страх или тебе хочется царствовать? Кормить и ублажать, заставляя людей трепетать и подчиняться.

О н а . Ну, наверное. Во мне много любви, и она требует выхода. Ненависть находит выход на работе. (Смеется.) А любовь, наверное, не находит и вот так воплощается в другом виде. Чем плохо?

О н . Да нет. Я просто думаю о том несоответствии, которое порождает эти хлебосольные бунты против действительности.

О н а . Да брось ты. Все так. В чем-то или с кем-то. А мы традиционная пара: я на кухне, ты бухаешь с телевизором. Что не так? У нас даже лучше. Потому что пока я на кухне, другая я всегда с тобой.

О н . Наверное. Не знаю. Грустно это все. Все, что я делаю последние годы, это ведь что такое? Я не знаю этому названия даже.

О н а . Да брось ты. Все ты знаешь. Ты хотел красиво жить. Ну, вот примерно все так и получилось. А все остальное в контракте.

О н . Вот даже как. Я еще и козел.

О н а . Ты не козел. Ты колеблешься вместе с линией партии, как говорили старые партийцы. Это уважаемая среди элиты позиция. Ведь она самая востребованная. И не надо этих интеллигентских вздохов.

О н . А я что. Я ничего. Налей мне еще. И сырников. И сметанки.

О н а . Ух ты мой поросенок. Проснулся аппетит. Радуешь меня. Ладно, я опаздываю. Не балуйся слишком сильно.

Она убегает. Он продолжает есть, повернувшись спиной к сцене.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Они выходят из какого-то важного дома. Ну, есть такие дома на Москве. Понятно, что там принимают решения. Или выдают. В общем, опасные такие дома. Она в деловом костюме, вся на цырлах. Он опущенный, какой-то мятый костюм, но улыбается голливудской улыбкой.

О н . Лихо они нас. Я прям думал, обоссусь прямо там.

О н а . А теперь расхотелось? Перетерпел?

О н . Да, отпустило слегка. Что это было?

О н а . Это обычное выворачивание кишок, чтобы дошло, наконец, чего они хотят.

О н . До меня дошло, только я не знаю что.

О н а . Сейчас поедem домой, и я тебе все объясню.

Садятся в машину и уезжают.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Вечер. Они идут по тропинке около дома. Такой большой променадный круг на участке сделан. Она в телогрейке, от Этро, наверное, а он в спортивном костюме Адидаас. Разговор начат не сейчас. Мы слышим с середины.

О н а . Вот примерно так. Не забудь еще, что клеймить теперь можно без всяких политесов и соблюдения приличий. Прямо площадно. Завтра надо собрать креаторов и поставить задачу. Тебе понятно?

О н . Да, понятно. Глумиться — это, конечно, понятно. Только, ты же знаешь, эта дорога короткая. Возгонка быстрая. А что потом? Этого хватит ну на полгода. Не больше.

О н а . Дальше можно поменять цели и опять гнать то же самое.

О н . Это понятно. А потом? Мы же вытаптываем. Но ничего нового не создаем. Не сажаем, прости господи.

О н а (*ржет*). А ты бы хотел?

О н . Что?

О н а . Ну, сажать. Такой комиссар в кожанке. И давай сажать.

Он смотрит на нее со страхом.

О н а . Ладно, пошутила. Вас, интеллигентов, легко шутить. (*Смеется.*) Ладно, расслабься.

О н . Надеюсь, ты все-таки не такая, какой иногда мне кажешься.

О н а . Я и сама надеюсь.

Идут дальше.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Говорят по телефону.

О н а . Что ты опять натворил? Почему опять надо тебя выгораживать? Ну кто разрешал нести эту пургу?

О н . Ну, прости. Я... как-то само понеслось. Одно за другое. И они еще подначивали меня.

О н а . Кто тебя подначивал? Ты сам начал. Я же видела все. Включая рабочий материал. У тебя же не эфир. Нельзя было доработать?

О н . Времени не было. Гнали. И потом, моим всем нравилось. Ну я и подумал.

О н а . Кому твоим? Твоим прошмандовкам нравится, когда ты их за добро трогаешь, на все остальное им насрать.

О н . Ну зачем ты так? Мы же интеллигентные люди.

О н а (*перебивает*). Кто? Ты, что ли? Да ты забыл, где это. Тоже мне, артист, гонишься за кумиром. Зря. Сегодня он кумир, а завтра в жопе командир.

О н . Ну ты прямо так грубо. Они же все-таки люди.

О н а . Говно на блюде. А я разгребай. Ладно, вечером поговорим. Дождись меня в нормальном виде. Не прячься за бутылками.

О н (*бросает трубку*). Да пошла ты. Стерва.

О н а . Вот [REDACTED]. Трубки бросает. С гонором. (*Смеется.*)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Звонит ему снова.

О н а . Ты чего трубки бросаешь?

О н . Да я тут уже, у тебя под дверью.

О н а . А, ну давай, заходи тогда.

О н заходит к ней в кабинет, она встает, идет к нему, целует, усаживаются на диван.

О н а . Ну и что это было? Ладно, проехали. Но! Перестань выпрыгивать. Что за новая манера завелась. Хочешь ребят переплюнуть. Не получится, да и не надо этого. У нас устоявшаяся сейчас конфигурация, и не надо ничего менять.

О н . Да я, в общем, и не хотел. Оно само, я же говорил.

О н а . Вот смотри. Нас выбрали, и мы в расстановке. Роли расписаны. Не выламывай картинку. Тебе что — мало известности? Куда больше?

О н . Я хочу кино.

О н а . Вы посмотрите — он хочет кино. И что теперь делать? Сейчас получается другое кино совсем. И надо в нем держаться.

О н . Мотивация падает.

О н а . Ага, а градус растет. Смотри, выпадешь из тележки, я тебя подбирать не буду. Буду кормить — и это все. Ты понял?

О н . Жизнь одна.

О н а . И ты ее прекрасно живешь. Все. Если хочешь, слетай куда-нибудь. Мне некогда. И не ворчи. Тут и другие есть (смеется) патриоты не хуже.

О н . Ну ладно-ладно, разошлась прям. И так меня ошкуривать, и эдак. Иди сама знаешь куда. Я уехал к ребятам бухать, сегодня ночевать не приеду. Адье!

О н а . Ну, слава богу! Радость моя, иди-иди проветришься. Знаю я твоих ребят. Но не против.

О н . Иди в жопу. Пока.

Целует ее в нос и уходит. Хлопает дверь.

О н а (*вслед ему*). Нет, ну до чего мудака. Ну сил же нет!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

У них дома. Чей-то день рождения. Куча народу. Подарки, бутылки, дорогие машины, везде шары, цветы и все прочее, вплоть до фейерверков. О н одет в летний костюм какого-то знатного дизайнера. Золотые цепи, ну, все как положено. О н а в платье с декольте, и тоже все как положено.

О н (*запыхавшись от беготни и танцев, хватая ее под локоть*). Пошли покурим?

О н а . Пошли, а куда?

О н . Да вон к соседям давай, там тихо, их нет.

О н а . Ну что, ты доволен? Орден. Все такое.

О н . Ну да, вполне. Хотя в недоумении. А почему такой?

О н а . Ну, такой потому, что такой. Слушай, какая разница. Ты на виду. Орден, праздник. Великий популяризатор идей. Что тебе еще надо? Ты же тралил без мотивации? Вот стараюсь, как могу.

О н . Нет, это конечно. Спасибо. Но все-таки я же не первогодок какой-то, почему мне — и такое. Я не понимаю. Это пренебрежение или вообще просто не считается. Ну, надо дать, так давайте дадим. Это тебе услуга, что ли? Ты попросила — и тебе дали. Я при чем?

О н а . Ну, знаешь. Я потратила много сил, двигая бумаги, и чтобы к сроку дали. А тебе все равно. Ну ок. Я поняла.

О н . Нет, спасибо огромное, особенно за то, что хлопотала. Но я и так тебя люблю. И совсем не за это. Хотя это повод. (*Смеется*.)

О н а . Ладно. Пошли, куритель великий. Туши.

О н (*тушит сигарету и целует ее*). Пошли выпьем?

О н а . Пошли.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Утро. Завтрак. Опять завтрак и опять утро.

О н а . Слушай, но зачем тебе «Роллс-Ройс»? Ты можешь мне объяснить?

О н . Да, могу. Я взрослый солидный мужчина, и я хочу ездить на такой машине. Пол-Москвы так ездит, и почему не я? Тем более что другие развлечения недоступны.

О н а . А это развлечение?

О н . Ну да. А что же? Удобная красивая машина. Подчеркивает статус, и отпадают многие вопросы социального общения. Иерархия. Мы же иерархическое общество?

О н а . Ну, наверное. Я не знаю. Мы — общество, где лучше не попадаться. Выход намного дороже, чем вход. «Роллс-Ройс» раздражает. И не социум, а соседей и товарищей по борьбе, у которых его нет. Давит.

О н . Я и хочу давить их. Давить. Давить этих соседей, этих коллег по работе. Переезжать их на тракторе. Ну или хотя бы на «Роллс-Ройсе».

О н а . Ладно, я побежала. Обязательно поешь кашу. Доктор мне всю голову пропилила, когда узнала, что ты не ешь кашу. Давай, вперед.

О н . Пока, дорогая. И пожестче там с ними.

О н а . Ну, ты же меня знаешь. Спуску никому не дам.

О н . За это вас и любят.

О н а . И вас. Целую. Пока.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Он дома. Работает. Смотрит какие-то нарезки или что-то ищет в ноутбуке. Непонятно. Звонит телефон. Он снимает.

О н . Да, это я.

Т р у б к а . Смирнов умер. Я обзваниваю всех.

О н . Да, я понял. А что случилось? Авария? Или как?

Т р у б к а . Похоже, суицид. Его нашли повесившимся.

О н . Вот как.

Т р у б к а . Вы скажете ей? А то я, наверное, не смогу.

О н . Конечно, скажу сам.

Т р у б к а . Благодарю и прощайте.

О н . Прощайте.

К л а д е т трубку и набирает номер.

О н а . Да, чего тебе?

О н . Смирнов умер. Позвонили.

О н а . Я поняла. Ладно. Мне пора. Ты не жди меня сегодня.

Он слушал гудки и тупо смотрел в телефон. Смирнов умер. Вот оно как.

Действие четвертое

Манхэттен. Он и она без плотного графика. Бизнес-серфинг в плавающем режиме. Много встреч. Флексибл-активность и такие же ответы на вопросы. Вроде пенсия, а вроде и нет.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гуляют в парке.

О н а . Все-таки непонятно, чем подагра отличается от ревматизма. Ну, что ты думаешь?

О н . Я не врач. И не хочу об этом думать. С чего ты об этом с утра.

О н а . Ногу крутит.

О н . Понятно. Ну, отвлекись. Пройдемся. Потом чайку горячего.

О н а . Я буду кофе. Хотя если подагра, то вроде нельзя.

О н . Виски (смеется), виски можно всегда. Мой доктор так говорит.

О н а . Это-то конечно. Но женский алкоголизм.

О н . Ну, тебе не тридцать. Чего теперь бояться? Может, с ним и легче мириться с происходящим.

О н а . Может, ты и прав. *(Глядит в сторону.)* Все-таки отвратительная у них привычка продавать туристам вчерашние брецели. Прямо вот — ну как так?

О н . Ну, это разве проблема. *(Смеется.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кофейня. Сидят за столиком, смотрят на поток пешеходов и машин за окном.

О н . Ты вот мне скажи, как мы должны себя вести со всем этим. Они говорят, что мы знали.

О н а . Ну мы же знали. И что с того. Мы пытались выводить из-под удара. Получается, торговали инсайдом.

О н . Теперь в результате мы не нужны ни там ни здесь.

О н а . В этом и проблема текущего момента. Мы должны переждать. Возможно, картина изменится, и мы снова понадобится.

О н . Надо пытаться быть полезными процессу создания будущего. В нем мы вполне можем воплотиться и остаться в потоке.

О н а . Главное сейчас — чтобы нас совсем не списали.

О н . Пока не спишут. Тонкий лед. Всем все непонятно. Мы в любом случае — актив. Можно использовать.

О н а . Активисты. *(Смеется.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

«Метрополитен». Антракт. Они гуляют по фойе.

О н . Неплохо, неплохо. И все-таки ты помнишь, как все начиналось? Кто как не ты! Почему все пошло не так?

О н а . Как не так? Все пошло именно так. Возможно, с деталями, которые нам не нравятся. Но все так.

О н . Ну как же. Мы же не хотели просто отливаться в граните. Мы хотели веселое инновационное развитие. Не так ли?

О н а . Ну ты же не всегда был тупой и помнишь изначально, что так быть не могло. Нам просто казалось, что можно так. Но на самом деле так было нельзя.

О н . Ты клиренс имеешь в виду. Ну да, на цыпочки мы вставали, но не помогло.

О н а . Мы хотели сразу в кино, а нас усадили ждать в приемной следующего сеанса. На текущий мы не попали.

О н . Но это не мешает нам слушать «Тоску» теперь в Нью-Йорке. И тогда не мешало.

О н а . Мы не виноваты?

О н . Да вообще никто не виноват. Пошли, опоздаем.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фитнес-этаж в кондо. Утро, солнце только пробивается. Они, одетые сообразно моменту, крутят эллипсы, стоящие рядом.

О н . Будет, похоже, неплохой день. Сегодня какой план? Прилетает Иосиф?

О н а . Прилетает. Ума не приложу, о чем нам говорить. Чего он хочет?

О н . Он хочет, чтобы ты сказала ему, что все будет хорошо. И он станет еще богаче. Надо только потерпеть.

О н а . Он не верит. Я ему сто раз говорила. Он и слушать не хочет. И смотрит так, как будто я не хочу сказать ему что-то важное.

О н . Ну, значит, будем сидеть в ресторане до утра и нюхать пробки.

О н а . А что остается. Это же ты приучил их верить и решать за них проблемы. А теперь, когда волшебная вода утратила силу, они не верят и ждут по-прежнему чудес.

О н . Ждут ли?

О н а . Крути педали. Пенсионер.

О н . Ну вот, потянулись года беззаконий.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Сидят в каком-то уютном месте, явно не Америка. Скорее, Франция. В общем, все как у Чехова — и Ницца, и бугенвиллии в цвету.

О н . А ты помнишь Флавия? Странное имя, древнее какое-то, а парень был молодой и хороший.

О н а . А чего это ты вдруг? Ну, помню, мы общались много в доэпоху, ты нас знакомил. Потом он работал с нами.

О н . Да, видел его как-то, не так давно. Как-то его недоиспользуют, что ли. И главное, заикаюсь о нем — и ничего, тишина и пустота. Странно как-то система работает теперь. Какие-то новые настройки добавились, что ли.

О н а . Только заметил. Старым кадрам — старое, а молодым — дорогу. Причем молодые — это не возраст, а особое состояние души.

О н . А что — настолько возросло недоверие?

О н а . Наверное, даже не в этом дело. Не то чтобы недоверие, а как бы снизилось мелькание, другие загородили взгляд.

О н . Ну да, понятно.

О н а . Это и наша с тобой проблема тоже.

О н . Конечно. Я это чувствую по разговорам. Они тонут. Результатов нет. Постепенно растворяются старые договоренности.

О н а . Именно. Приходят новые, они не в курсе. И все. Стена. Все труднее откапывать дорогу, снова восстанавливать связи, снова доказывать, что мы тут стояли.

О н . Да. И притом все больше снижается проходимость при возрастающем количестве улыбок.

О н а . Ладно, понятно все, не рви сердце.

О н . Что ты, радость моя. Я спокоен и упруг. Я прям как жидкое железо.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Большой театр или какое-то подобное место, премьера. Много улыбок. Подходят поздороваться и засвидетельствовать. Они чувствуют свою отдельность, какую-то отыгранность.

Он . Все-таки все как-то неуловимо изменилось. Они смотрят на нас, как на восставших из мертвых, а мы на них — как будто и не узнаем никого. Такие ребята с началом Альцгеймера.

Она . Увы, ты прав. Только старики еще как-то осмысленно реагируют, остальные — либо плакап, либо как с портретами.

Он . Надо, что ли, пореже бывать. Все это как-то нагружает. Вся эта нелепость обоюдная.

Она . Я не знаю, как теперь, какие правила. Мне кажется, теперь их нет, но об этом не все догадываются, поэтому что-то соблюдается, а что-то — никак. Инерция восприятия.

Он . Ну да. Осталось что-то еще здесь или, может, завтра улетим?

Она . Я сама хотела предложить. Летим завтра, во Францию, наверное. Теперь все так нелинейно. *(Смеется.)*

Он . Ну да.

Она . Может, сбежим отсюда прямо сейчас? Машина же ждет.

Он . Да, конечно. Поехали.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

В машине едут в аэропорт.

Он *(говорит по телефону)*. Да, я понимаю, ну, надо лететь. Там сложности какие-то. Увидимся в Дубае или где? Срочности же нет? Пока. Спасибо.

Она . Степан? Волнуется?

Он . Ну, как всегда. Всего ему мало, отовсюду выдавливают, и беспокоится, что он без нас будет делать, как проски отбивать. Все изменилось, и ему

трудно, а мы опять улетаем, совсем не побыли, а он невыездной.

Она . Ну да, я и забыла. Что он от нас хочет? Мы же реально сейчас ему мало чем можем помочь. Режим пытается найти новое равновесие, все же в подвешенном состоянии.

Он . Да пошли они все. Скроемся, напьемся, и только мы будем с нами.

Она . Отличный план.

Идут к самолету.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Какой-то из городов-миллионников, где есть театр оперы и балета. В антракте, в вип-комнате.

Он . В принципе, неплохо. Может быть, Осипова могла бы и лучше, но и так неплохо.

Она . Да отлично все. Милый зальчик, хорошая сценка, великолепный оркестр.

Он . Согласен. Хотя, конечно, «Баядерка» бывает и лучше.

Она . Бывает, конечно. И вип-комнаты бывают лучше. *(Смеется.)*

Он . Тише, ты чего. Обидятся еще. Хорошие же. Стараются. Вот театр содержат, несмотря на всех и все.

Она . Слушай, ты вот иногда такой раболепный, да еще и не в ту сторону. Твоя цель вон где. А ты все куда?

Он . О людях никто не думает.

Она . А ты думаешь, не смехи. Они несчастны и не знают об этом. Не буди их.

Он . А если знают?

Она . А если знают, не давай им повода это демонстрировать. Пусть несут свое знание молча, на скорбных лицах.

Он . Ты какая-то недобрая сегодня. Что случилось?

О н а . Да написали опять про музей этот несчастный, в котором я в попечительском совете. Теперь прокуратура с проверкой. До того милиция. Я заколебалась с ними разбираться.

О н . А чего молчала? Я бы поучаствовал.

О н а . В чем? В утирании моих слез? Так с этим ты не опоздал. *(Улыбается.)*

О н . Неужели нельзя как-то это вырулить окончательно?

О н а . Вот и я говорю: неужели нельзя? А ответа нет.

О н . Это да. Чего нет, того нет.

В помещении начинается движение. Все выходят.

О н а . Пошли. Похоже, антракт закончился.

О н . А что, за нами не придут?

О н а . Радуйся, пока нет. *(Смеется.)*

Уходят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Отель. Очевидно, в том же городе. Обычный номер. Известный с советских времен дизайн. Он лежит на кровати, она в ванной комнате, дверь открыта. Звонит телефон. Он берет.

Т р у б к а . Смирнов умер.

О н . Вот как. И что? От нас что требуется?

Т р у б к а . Ничего, я просто решил, что вам надо знать.

О н . Спасибо, что побеспокоились.

Т р у б к а . Вы скажете ей? Я как-то не решился. Да и неудобно как-то.

О н . Хорошо. Я скажу.

Т р у б к а . Всего доброго.

О н . Взаимно. *(Вешает трубку.)*

О н а . Что случилось?

О н . Смирнов умер.

О н а . Вот как. *(Захлопывает дверь.)*

О н . Что дальше?

О н а . Ложись спать. Я еще долго.

Слышен шум наполняемой ванны.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Манхэттен. Парк. Гуляют. Зима, холодно. Народу немного.

О н . Ну что, душа моя, не скучаешь по Москве?

О н а . Совсем нет. А ты?

О н . Бывает иногда, но, скорее, по местам, чем по людям. *(Смеется.)*

О н а . Пожалуй. По людям скучать теперь как-то нелепо. Они сами по себе не скучают. Не любят себя. И это отчаянно видно.

О н . Может, купим билеты — и в кругосветное? На год. А?

О н а . Мысль неплохая. Ты да я. Как всегда.

О н . Пошли домой, похоже, ты замерзла.

О н а . Ты такой внимательный.

Прижимается к нему, и они идут к выходу из парка.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

О н в Москве. День провел на встречах. Вечером дома. Звонит ей.

О н . Привет.

О н а . Ну как?

О н . Никак. Ватная стена. Все тонет в словах. Решений нет. Даже минимальных. Говорил буквально со всеми, кто откликнулся.

О н а . А Иван? С Иваном ты виделся?

О н . Нет, Иван не смог. Эпидемобстановка и все такое. Но это, конечно, просто повод не встречаться.

О н а . Он же не был таким.

О н . Они все не были такими. *(Смеется.)*

О н а . Мы же не это загадывали. *(Смеется.)*
О н . А сбылось это. *(Смеется.)*
О н а . Жду тебя. Соскучилась. Будь осторожен.
Пока.
О н . Я быстро. Пока.

Занавес

Действие пятое

Наверное, тоже за городом где-то. Где все засекречено. На популярном направлении. Речка та же. О н — стройный, подтянутый. О н а вообще спортивная.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

О н а . Совсем перестала тебя видеть. А когда вижу, ты всегда уставший. Одни глаза остались. *(Смеется.)*

О н . Ну, ты же знаешь, что да как. Хочешь — полетим на юг. Ты же можешь в удаленке. Я тем более. *(Смеется.)*

О н а . Да особо не хочу. Мне и здесь хорошо. Был бы милый рядом. *(Смех, неизвестно чей.)*

О н . Ну, смотри сама. Я всю неделю в твоём распоряжении. Вроде супернапряжения сейчас нет. А если будет, вернемся. Мы же быстрые. *(Смеется известно кто.)*

О н а . Я в Америку хочу.

О н . Кто же не хочет. Но сейчас она недосыгаема. Никак. Ни так ни сяк.

О н а . Может, попробуешь?

О н . Даже не проси. Невозможно.

О н а . Это очень напрягает. Жизнь проходит. Ты мне обещал красивую жизнь.

О н . А чего тебе не хватает? У тебя все есть.

О н а . Кроме свободы.

О н . Ух ты. Что я слышу.

О н а . А что нового ты услышал? Что?

О н . Ты же все понимаешь. Зачем затеваешь опять этот бессмысленный разговор? Чтобы меня дрочить.

О н а . Ну, хотя бы что-нибудь подрочить. Почему бы и нет?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Он сидит и листает ноутбук. Она входит.

О н . Ну как, успокоилась?

О н а . А я и не заводилась. Это тебе все время кажется. С твоими мужиками еще и не такое покажется. Бедненький.

О н . Ну все, хорош. Одевайся, пошли погуляем. Мне тебе рассказать надо кое-что.

О н а . Пять минут.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Они в лесу за пределами поселка. Идут по тропинке. Он в шортах, она в пилотке.

О н . Меня сегодня вызывал сама знаешь кто и предложил поменять место работы.

О н а . На еще более невыездное?

О н . Ну да, примерно так. Очень выездное, но не туда, куда тебе все время хочется.

О н а . А нельзя туда? ООН какой-нибудь?

О н . Я не могу такие вещи спрашивать. В любом случае теперь это совершенно нереально.

О н а . Да уж. Так и состарюсь я в Геленджике.

О н . Ну почему обязательно в Геленджике, выбор есть. Страна большая.

О н а . Вы все так говорите. А лицо все больше скрывает, а глаза все больше видят. Что у вас там внутри.

О н . Ты же знаешь. Биоробот. *(Смеется.)* Мы действуем согласно планам. Они известны на месяцы

вперед, и только вам, ну не всем, конечно, они кажутся случайными событиями или быстрой реакцией на них. Нет никаких спонтанных реакций и случайных событий. Это каток, а не стрекоза.

О н а . Ты слишком умный или тупой совсем. Жизнь проходит. Одна. Единственная. А у меня еще столько платьев не выгуляно.

О н . Вот-вот. Вся тусовка пропитана этим ядом отрицания очевидного. Подростковый нигилизм.

О н а . Иди ты знаешь куда.

О н . Знаю. Пошли домой. *(Смеется и обнимает ее.)*

Она втайне довольна, он втайне недоволен. Но оба счастливы.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Где-то на правильном юге. Короткий отдых. Роскошный номер. Она готовится выйти в люди, он уже готов. Сидит нарядный и смотрит в смартфон.

О н а . Я скоро-скоро.

О н . Я знаю. Через час примерно.

О н а . Да ладно. Когда такое было.

О н . Всегда. И всегда ты делаешься чудо как хороша. А я млею и забываю эти ожидания.

О н а . Вот-вот. Искусство требует. Кстати, об искусстве. Почему вы не даете работать людям? Люди ропщут, уезжают и источают яд.

О н . Все работают. Все имеют возможность. Обозначаешь позицию и работаешь. Или мудро молчишь и работаешь.

О н а . Ну да, конечно. Выдавили уже всех. Смотреть в театрах нечего. Да ты и сам это знаешь.

О н . Ну ладно, «Нетфликс» же мы отстояли. Смотри сколько хочешь. *(Смеется.)*

О н а . Ну нельзя же так. Ну почему? Ну, говорят они даже, может, что-то. Но на что это может повлиять. На них смотрит только Садовое кольцо в лучшем случае.

Он . Так только Садовое и имеет смысл, все остальное само идет куда надо.

Она . Ненавижу это. Цинизм жуткий ваш.

Он . Ты же кормишься с того цинизма. Чего вдруг?

Она . Да не знаю. Скоро осень — и, как всегда, наткнется. Протест. Хочется же жить, а не проживать.

Он . Ну, понеслось. Все наши разговоры так похожи.

Она . Потому что вы все такие похожие и нас превратили в массу студня трясущегося — непонятно, почему, непонятно, отчего.

Он . Ахуеть ты революционер.

Она (*выходит из спальни*). Ну как?

Он . Ты прекрасна, как и всегда, особенно когда твой язык находится под контролем.

Она (*смеется*). Ладно, пошли, деятель. Покажем им, как мы умеем отдыхать.

Он . Ура!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Спальня. Она спит. Он опять смотрит в смартфон. Пищит звонок. Он снимает трубку, встает с кровати и выходит из спальни.

Он . Алло.

Трубка . Смирнов умер. Я обзваниваю всех знакомых.

Он . Понятно. Как это случилось?

Трубка . Он сначала пропал, потом нашелся. Но уже в петле...

Он . Даже так?

Трубка . Скажете ей? Я, наверное, не смогу.

Он . Да, хорошо. Конечно, скажу.

Трубка . Спасибо. Всего доброго.

Он . И вам. (*Вешает трубку.*)

Возвращается в спальню. Она не спит.

Он . Смирнов умер. Суицид, похоже.

Она ошеломлена. Встает. Выходит из спальни. Через минуту хлопает входная дверь. Слышен лифт.

Он . Значит, все-таки мы еще в Сочи. Только там такие шумные лифты. Совсем потерял ориентацию в пространстве. А кто такой этот Смирнов?

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Перед новогодними праздниками. Суета и шум. В ГУМе каток. Все как обычно. Они идут по одной из галерей, подхваченные толпой.

Она . Не забудь, надо что-то купить еще нашим, они приезжают на каникулы или что-то в этом роде.

Он . Так давай сейчас, не откладывая. Заходим и берем. С запасом. (*Смеется.*)

Она . Не могу придумать. Теперь так сложно. Этого нельзя этим, того нельзя тем.

Он . Да брось ты, не придумывай. Действуем, как обычно. Помнишь, как в «Бриллиантовой руке»: детям мороженое, бабам цветы. Все придумано до нас.

Она . Можно и так. Но брендов нет. А которые есть — уже не те. Давай наше тогда что-то выбирать.

Он . Так выбирай. А не выдумывай причины. Надо примириться с обстоятельствами, а не ждать когда вернутся старые. Не вернутся.

Она . Я знаю. И это меня больше всего и раздражает. Хочется организовать движение за жизнь как обычно.

Он . Ну, не для многих произошли изменения. Только подружки твои тебя поддержат.

Она . Ну и друзья тоже. Почему одни подружки. А песни еще можно всякие слушать или уже блэклист есть?

Он . Слушай, ну давай не сегодня. Я вырвался на часок побыть с тобой в праздничной толпе, а ты опять полощешь мне мозг. У меня забот, думаешь, мало и долбоебов, проедающих мозг. Зачем мне это еще?

О н а . Ладно, извини. Давай сюда.

Заходят в бистро и просят шампанское.

О н *(после паузы)*. Ну, так себе, но пить же можно?

О н а . Все можно пить, но не всем можно наслаждаться. Шампанское для наслаждения, а не нажраться.

О н . Может, ты и права.

Он платит, и они выходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Утро. Не очень рано. О н лениво собирается на работу. На что-то смотрит в мониторе, кому-то пишет в смартфоне. Полуодет, полупроснулся. С бутербродом во рту и чашкой кофе в руке. О н а входит — подтянутая, свежая и одетая.

О н а . А каша? Ну сколько можно говорить. Сначала овсянка, потом бутерброды и кофе.

О н . Извини. Тебя же не было. А сам я не мог. Я тут вот подгружен уже с утра. А ты крутила педали?

О н а . Да, я крутила, в отличие от некоторых.

О н . Ничего. Я в течение дня нагоню. Ты едешь со мной?

О н а . Нет, я сама. Поеду к Лизе. Столько событий, а мы так редко видимся.

О н . Ну да, ну да. *(Пишет в смартфоне все время разговора.)*

О н а . А чего, прям с утра полыхает?

О н . А то. Побегал. Увидимся, наверное, вечером.

О н а . А что — улетишь?

О н . Не знаю. Может быть.

О н а . Пока-пока. Застегнись. *(Он целует ее и уходит.)*

О н а . Ну никакой жизни нет, ну все осточертело.

Пытается сварить себе кашу.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Навещали знакомых. Едут обратно к себе. Он чем-то очень недоволен, она довольна, что он недоволен.

О н *(с возмущением)*. Нет, ну ты слышала? Они свободно перемещаются, не под санкциями, денег стало больше, чем было, и недовольны. На них, видите ли, косо смотрят. А в чем проблема?

О н а . Видишь, не все прониклись духом вашего бесконечного величия. Люди сомневаются в целесообразности. Полезности.

О н . И при этом гребут, как раньше не гребли. Нет, каково! Если бы я не знал их тысячу лет, подумал бы, что они с ума посходили. Но нет, они в полном порядке. И еще каком. И главное — ты заметила?

О н а . Что?

О н . Они не боятся. Так никогда не было, всегда боялись. Больше, меньше. Это часть режима. Страх. Так положено, так надо. А эти перестали. И еще учат жить.

О н а . Ну, ты чего-то прям разошелся. Они милые. Обещали мне деньги на проекты, и вообще эта тусовка важна.

О н . Тебе хорошо говорить. А мне что делать? Мне придется прекратить это общение. И еще мне придется предупреждать. Ты понимаешь?

О н а . Да заткнись ты, все я понимаю. Но помечтать-то можно. Заладил. Не должно быть, не может быть. Как попугай. Где твой блеск, где перья, где очарование. Стал — как облезлый воробей. Озираешься по сторонам, как подстреленный.

О н . Молчи, сука. Лучше молчи. Вот ты куда полезла. Хочешь сама. Ну, давай попробуй.

О н а . Вылезай, приехали, Дездемона моя. Пойдем, я перья твои почищу. Успокойсья.

О н *(невозмутимо)*. А я спокоен

Идут в дом.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Посещали новую галерею где-то на Остоженке. Вышли немного навеселе. Было небольшое афтепати. Ну и все были милые, и все было мило. Благостные, они решили пройтись немного: весна, погода неплохая. Уже не холодно и еще светло.

О н . Вот прям хорошо было, да? Как-то отвлеклись. Какой-то сказочный мир. Какое-то волшебное не отсюда. Как будто этих людей не трогает все вокруг, они где-то там, на горе.

О н а . Да, я тоже удивлена. Где ты их откопал?

О н . Да это не я. Кто-то дал приглашение. Я даже не помню, кто.

О н а . Симпатично. Как раньше. Ты разве не хочешь, как раньше?

О н . Я не могу хотеть. Это не моя функция. Этого нет в контракте.

О н а . Иногда мне хочется тебя задушить

О н . Так ты попробуй как-нибудь. Я не против.

О н а . Ух ты как заговорил. Такой мягкий и никому не нужный. И не подумаешь.

О н . Что?

О н а . Что ты на самом деле за такое.

О н . Да ты не стесняйся

О н а . Нет. Поберегу силы. Нам еще жить и жить, бултыхаться в этом дерьме.

О н . В пахнущем шинелью. Теплом, милом, таком знакомом.

Идут дальше.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Похороны Смирнова. Тут все на усмотрение постановщика. Фото Смирнова, венки Смирнову, аллюзии, иллюзии, намеки и прямые указания. Все сообразно задаче, как видит ее постановщик пьесы в контексте структуры момента, чтобы окончательно вовлечь зрителя или, наоборот, отвлечь. Контекст и еще раз контекст.

Тут можно дожать все, что не дожали в предыдущих действиях. Участвуют они все! Если играли разные актеры. Или им помогают сотрудники театра, если играли все пять пар одной парой актеров. Тут все по самочувствию. Музыка, продолжительность действия — все на усмотрение организаторов спектакля. Возможен интерактив со зрителями. Игра в угадай, кого играли актеры. Кто эта десятка современников, так талантливо представленная на сцене. И призы тем, кто угадал. Ведь надежда — она умирает последней. Не так ли?

Занавес
или конец

Содержание

Апрелевка и смысл	3
Боль	13
Караоке	23
Обыск с Аvenoлем	32
После работы	41
Central	50
Клиника	58
Матильда и отец	66
Сон	74
Эффект Допплера	85
Похороны Смирнова	95

Об авторе

Часть биографии засекречена, но кое-что известно. Семен Грила родился в [REDACTED] семье в городе [REDACTED] в [REDACTED] году. Учился в [REDACTED] [REDACTED], получил степень [REDACTED] наук. Работал в [REDACTED], [REDACTED], [REDACTED]. Автор монографий [REDACTED], [REDACTED]. Некоторые считают, что и эта информация фальсифицирована.

Автор просил оставить на обложке одну фразу:
Автор вас любит)